

ОПРОКИНУТЫЙ
МИР

ЭОН

Грег БИР

АНТАСТИКА

ЭОН

Грег Бир

ЭОН

1985

Бир Г.

Эон / Г. Бир — 1985 — (Эон)

Начало 21 века. Земля разделена на два лагеря, и уже давно находится на грани ядерной войны. Напряжение растет. И тут, неожиданно в околоземном пространстве появляется гигантский (300 км в диаметре) астероид. На его разведку выслана совместная русско-американская и ООНовская экспедиция. Патриция Васкес, молодая ученая-математик, один из лидеров экспедиции, и именно она открывает тайну астероида. Оказывается астероид, названный «Пушинка», это космический корабль, попавший сюда из далекого будущего, да еще и с параллельной Земли. Внутри «Пушинки» находятся семь огромных камер, в шести из них находятся покинутые города, а в седьмой ученые обнаружили странное устройство, открывающее Путь – некий туннель, идущий вне времени и пространства через всю Вселенную...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	43
Глава 5	49
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	63
Глава 9	66
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Грег Бир

Эон

Полу и Карен с великим уважением и любовью.

Пролог

Четыре начала

1. Канун Рождества 2000 года, Нью-Йорк

– Он выходит на широкую эллиптическую орбиту вокруг Земли, – сообщила Джудит Хоффман. – Перигей, примерно, десять тысяч километров, апогей – около пятисот тысяч. На каждом третьем витке он совершает оборот вокруг Луны.

Она отодвинулась от монитора, чтобы на него мог взглянуть Гарри Лэньер, сидевший на углу стола. Сейчас Камень все еще выглядел, как печеная картофелина без каких-либо отчетливых деталей.

За дверью кабинета слышался шум вечеринки, напоминающий об обязанностях хозяйки. Джудит привела сюда Лэньера лишь несколько минут назад.

– Ничего себе картошечка...

– Никакая это не картошка, – отрезала она.

Высокий, с короткими густыми темными волосами Лэньер напоминал бледнокожего индейца, хотя в нем не было ни капли индейской крови. Особенно выразительными Джудит Хоффман казались его глаза – глаза исследователя, привыкшего видеть на огромном расстоянии. Однако она не доверяла людям с первого взгляда.

Лэньер нравился ей, поскольку кое-чему научил ее. Некоторые считали его безжизненным, но для Хоффман это был просто компетентный, спокойный и исполнительный человек.

Гарри проявлял определенную терпимость к людским слабостям, благодаря чему весьма успешно справлялся с обязанностями менеджера. Казалось, он крайне редко обращает внимание на мелкие обиды и злословие, оценивая людей лишь с точки зрения их деловых качеств – или отсутствия таковых, – по крайней мере, судя по его внешней реакции. Он пытался заглянуть под внешнюю оболочку сотрудника, чтобы разглядеть подлинную его ценность. Хоффман узнала кое-что интересное о некоторых людях, наблюдая за их взаимоотношениями с Лэньером. Познакомившись с его манерой работы, она несколько изменила и свой собственный стиль.

До сих пор Гарри ни разу не был у нее дома, и теперь, в холодном свете дисплея, он рассматривал полки с блоками памяти, большой пустой стол, компактный принтер рядом с дисплеем.

Как и большинство гостей на вечеринке, он испытывал некоторый трепет перед Джудит. В Капитолии ее называли Советником. Она выполняла официальные и неофициальные функции научного эксперта при трех президентах. Ее видеопрограммы, возрождавшие науку, были популярны в конце 90-х годов, когда мир еще приходил в себя после потрясения, вызванного Малой Гибелью. Она была членом совета директоров как Лаборатории Реактивного Движения, так и МКСОК – Международного комитета по сотрудничеству в области космоса. Хотя ей и не удавалось скрыть свою плоноту, вкус ее в отношении одежды был безукоризненным. Однако

Джудит Хоффман сознательно придерживалась некоторых ограничений: ногти ее были короткими и неокрашенными, тщательно ухоженными, но не элегантными, и она почти не пользовалась косметикой. Она позволяла своим каштановым волосам принимать естественную форму с минимумом вмешательства; казалось, ее голову окружает нимб из изящных кудряшек.

– Вы, должно быть, сейчас на связи с «Дрейком»? – поинтересовался Лэньер.

– Да, но это картинка Службы космического слежения. «Дрейк» до сих пор направлен на созвездие Персея.

– Они не собираются переориентировать его на Камень?

Она с волчьей усмешкой покачала головой.

– У этих старых ублюдков жесткий график – они не повернут его даже для того, чтобы взглянуть на величайшее событие двадцать первого века.

Лэньер поднял брови. Камень, насколько он знал, был всего лишь астероидом. Продолговатый обломок скалы не собирался врезаться в Землю, но если он намеревался выйти на ее орбиту, то мог бы стать прекрасным объектом для научных исследований. Это было интересно, но вряд ли заслуживало такого энтузиазма.

– Двадцать первый век наступит лишь в следующем месяце, – напомнил он.

– И именно тогда у нас появится работа. – Джудит повернулась к нему, скрестив на груди руки. – Гарри, мы с вами уже какое-то время работаем вместе. Я очень вам доверяю.

Лэньер почувствовал, как что-то сжалось у него в груди. Весь вечер в ее поведении ощущалась некая напряженность. Он гнал беспокойство прочь от себя, считая, что это не его дело. Теперь же оказалось, что все-таки его.

– Что вы знаете о Камне? – спросила она.

Он на мгновение задумался, прежде чем ответить.

– СКС обнаружила его восемь месяцев назад. Он имеет около трехсот километров в длину и сто километров в поперечнике. Коэффициент отражения средний, ядро, вероятно, кремниевое с железо-никелевой оболочкой. Когда Камень впервые обнаружили, его окружало нечто вроде гало, но позже оно рассеялось, из-чего некоторые ученые предположили, что это необычно крупное древнее ядро кометы. Противоречивые сведения о низкой плотности возродили к жизни старую гипотезу Шкловского о спутниках Марса.

– Где вы слышали о плотности?

– Не помню.

– Это несколько обнадеживает. Если вы ничего больше не слышали, вероятно, не слышал и никто другой. В СКС имела место утечка информации, но сейчас мы заделали дыру.

Лэньер оказался близок к ее кругам, работая менеджером по связям с общественностью в «АТ и Т Орбиком Сервис». До «Орбикома» он прослужил шесть лет в военно-воздушных силах – сначала истребителем, потом – пилотом высотных заправщиков. Он летал по знаменитой трассе «Чарли Бейкер-Дельта» над Флоридой, Кубой и Бермудами во время Малой Гибели, заправляя самолеты Атлантического Патруля, бдительность которого сыграла решающую роль в прекращении военных действий.

После заключения перемирия он получил «добро» от ВВС на передачу своего опыта в области аэрокосмической техники «Орбикому», налаживавшему всемирную моносеть.

Сначала последовало несколько звонков в штаб-квартиру «Орбикома» в Менло-Парке, Калифорния, затем – запрос досье и наконец внезапный и неожиданный перевод в Вашингтонский отдел «Орбикома», который, как позже узнал Лэньер, создала Хоффман. О каком-либо романе не было и речи – как часто ему приходилось опровергать подобные слухи! – но их способность к совместной работе была просто удивительной в столичной атмосфере постоянных споров и мелочных ссор.

– Почему такая секретность? – спросил Гарри.

– СКС распорядилась скрывать от общественности все данные.

Имелась в виду научная общественность.

– Зачем, черт побери? Последние несколько лет взаимоотношения правительства и общественности были просто ужасными, и это уж точно не улучшит их.

– Конечно, но в данном случае я с ними согласна.

Очередной холодный душ – Хоффман относилась к общественности весьма своеобразно.

– Если все покрыто тайной, откуда об этом знаете вы? – поинтересовался Лэньер.

– Кое-какие связи в МКСОК. По недосмотру президента.

– О, Господи.

– Так или иначе, пока наши гости развлекаются, мне необходимо выяснить, могу ли я на вас положиться.

– Джудит, я всего лишь второразрядный эксперт по связям с общественностью...

– Ерунда. «Орбиком» считает вас своим лучшим координатором. Мне пришлось три месяца бороться с Паркером, чтобы вас перевели в Вашингтон. Вы знаете, что предполагалось ваше повышение?

Честно говоря, он надеялся избежать очередного повышения, чувствуя, что отходит от настоящей работы, поднимаясь все выше и выше по служебной лестнице.

– И вместо этого вы организовали мой перевод?

– Я потянула за большое количество ниточек, чтобы выглядеть так, как подобает кукловоду, которым меня считают. Вы можете мне понадобиться. Вы знаете, что я не останавливаюсь на кандидатуре, пока не буду уверена, что человек готов вытащить меня аж из пекла.

Гарри кивнул. Принадлежность к кругу Хоффман кое-что значила, хотя до сих пор он старался не воспринимать это как нечто особенное.

– Помните сверхновую, которая была обнаружена одновременно с Камнем?

Лэньер кивнул; информация об этом промелькнула в прессе, но он был слишком занят, чтобы обратить на нее серьезное внимание.

– Это была не сверхновая. Будучи яркой, она, однако, не имела ни одного из соответствующих признаков. Впервые она была обнаружена СКС в виде инфракрасного объекта за пределами Солнечной системы. Через два дня свечение стало видимым, и СКС зарегистрировала излучение на частотах, соответствующих межатомным переходам. Температура свечения, начав с миллиона градусов по Кельвину, превысила миллиард. К этому времени детекторы ядерных взрывов, расположенные на спутниках, обнаружили гамма-излучение. Объект был отчетливо виден в ночном небе, так что СКС пришлось придумать для прикрытия правдоподобную историю – якобы система космической обороны обнаружила сверхновую. Но они не знали, что это такое на самом деле.

– И?..

– Шум утих, все успокоились, и затем в той части неба провели визуальные наблюдения. Это был Камень. Тогда все уже знали, что имеют дело не с простым астероидом.

Картинка на мониторе мигнула, раздался мелодичный звук.

– Ну, наконец-то. Объединенное космическое командование завладело «Дрейком» и вернуло его.

«Дрейк» был самым мощным орбитальным телескопом. На обратной стороне Луны сооружались и более солидные приборы, но ни один из них не мог сравниться с «Дрейком» по возможностям. Он не относился к Министерству обороны и официально не подпадал под юрисдикцию Объединенного космического командования – за исключением кризисов, угрожающих национальной безопасности.

Камень появился на экране, сильно увеличенный и окруженный цифрами и графиками. Теперь было видно значительно больше деталей – большой кратер на одном конце продолговатого тела, более мелкие кратеры по всей поверхности, своеобразная полоса, опоясывающая его по экватору.

– Он все еще похож на как астероид, – неуверенно пробормотал Лэньер.

– Несомненно, – поддержала его Хоффман. – Мы определили тип – очень большой мезосидерит. Мы определили состав, но ему недостает около сорока процентов массы. СКС подтвердила это сегодня утром. В среднем сечении глыба напоминает геоид, а геоиды не встречаются в космосе, Гарри. Президент уже согласился с моей рекомендацией организовать разведку – еще до выборов, но думаю, нам удастся пробить это и с новой администрацией. Для надежности мы планируем шесть полетов шаттлов до конца февраля. Я заранее разрабатываю план действий. Нам потребуется научная команда, и мне хотелось бы рассчитывать на вашу помощь. Я уверена, что с «Орбикомом» можно договориться.

– Но почему такая секретность?

– Ну, Гарри, вы меня удивляете. – Джудит тепло улыбнулась. – Когда прилетают инопланетяне, правительство всегда стремится сохранить тайну.

2. Август 2001 года, аэродром Подлипки под Москвой.

– Майор Мирский, вы отвлекаетесь.

– У меня скафандр протекает, товарищ полковник.

– Это не имеет значения. Вы можете пробыть в бассейне еще минут пятнадцать-двадцать.

– Есть, товарищ полковник.

– Теперь соберитесь. Вы должны завершить маневр.

Мирский заморгал, стряхивая заливающий глаза пот, и напрягся, пытаясь разглядеть стыковочный узел американского типа. Вода в скафандре уже добралась до колен; он ощущал струйку, просачивающуюся сквозь поясной шов. Чувство это невозможно было описать; майор надеялся, что полковнику Маяковскому оно знакомо.

Он должен был вставить изогнутый металлический стержень в два зажима-датчика. Чтобы обеспечить себе необходимую опору, Мирский зацепился ногой и правым запястьем за круглое кольцо, окружающее люк, используя L-образные крючки на ботинке и перчатке. Потом левой рукой...

(...как они измывались над ним в школе, в Киеве, теперь не существующем, все эти учителя с их идеями девятнадцатого века; как они старались заставить его пользоваться исключительно правой рукой, пока наконец, когда ему было уже почти восемнадцать, не вышел указ, официально амнистировавший детей-левшей...)

...Мирский вставил стержень на место. Он отцепил запястье и ногу и оттолкнулся.

Вода уже доходила до пояса.

– Товарищ полковник...

– Прежде чем люк откроется, должно пройти три минуты.

Мирский закусил губу и попытался повернуть голову внутри шлема, чтобы посмотреть, чем заняты его товарищи по команде. На расположенных в ряд стыковочных узлах работали двое мужчин и Ефремова. Где Орлов?

Вот он! Откинув голову назад, Мирский увидел Орлова, которого буксировали к поверхности бассейна три аквалангиста. Поверхность, чудесная поверхность, сладкий воздух и никакой заливающейся в скафандр воды. Сейчас он этого уже не чувствовал – уровень поднялся выше пояса.

Крышка люка сдвинулась с места. Послышался жалобный вой механизма, и крышка застыла, открывшись лишь на одну треть.

– Заело, – ошеломленно пробормотал он.

Мирский понимал, что упражнение будет считаться выполненным, когда он сможет войти в люк, а люк был в достаточной степени защищен от дурака и открывался лишь при определенных условиях – хваленая надежная американская техника...

– Очевидно, вы неправильно установили стержень.

– Все правильно! – настаивал Мирский.

– Майор!..

– Да, да! – Он снова ударил по стержню рукой в тяжелой перчатке, но не зацепился ногами и правой рукой, и его отнесло от люка; пришлось терять драгоценные секунды, подтягиваясь обратно с помощью фала. Зацепился. Ударил. Отцепился. Никакого результата.

Вода уже добралась до груди и, когда он наклонился, попала в шлем. Он случайно глотнул и закашлялся. «Ну вот, полковник решит, что я тону, и сжалится!»

– Покачайте, – посоветовал полковник.

Перчатки с трудом могли втиснуться в выемку, где теперь лежал стержень, удерживаемый на месте частично открытой крышкой. Он нажал на стержень, чувствуя, как наполняются холодной водой рукава и немеют пальцы. Нажал еще раз.

Его скафандр уже не плавал в невесомости – он начал тонуть. Дно бассейна было в тридцати метрах, а все три аквалангиста занимались Орловым. Ничто не сможет спасти его, если он не справится с советской имитацией стыковочного узла своими собственными силами. Если он сейчас сдастся...

Но он не мог сдать. С юности он стремился к звездам, и впасть сейчас в панику означало потерять их навсегда. С диким криком Мирский ударил по стержню; резкая боль пронзила руку, когда пальцы ударились о внутреннее покрытие и оболочку перчатки.

Крышка люка вновь сдвинулась с места.

– Просто заело, – сказал полковник.

– Я тону, черт побери! – крикнул Мирский.

Он уцепился руками за кольцо и выплюнул воду изо рта. Воздух выходил из скафандра сквозь неплотно прилегающие крепления шлема. Он уже слышал шипение и бульканье воды.

Свет прожекторов залил бассейн, высветив висящие в воде стыковочные узлы. Он почувствовал, как его подхватывают за руки и за ноги, и сквозь затуманенное стекло шлема увидел неясные очертания трех других космонавтов. Они оттолкнулись от тренировочного комплекса и тащили его все выше и выше – к благословенному небу.

Они сидели за отдельным столиком, вдали от двухсот других новобранцев, и им подали прекрасные толстые сардельки с кашей. В изобилии имелось холодное пиво, правда, кислое и водянистое, и ко всему этому – апельсины, морковь и капустные кочерыжки. А на десерт улыбающийся дежурный офицер поставил перед ними большую железную вазу со свежеприготовленным ванильным мороженым, недоступным в течение многих месяцев тренировок.

После обеда Ефремова и Мирский отправились на прогулку по территории Центра подготовки космонавтов, посреди которой располагался наполовину врытый в землю громадный черный стальной резервуар с водой.

Ефремова приехала из Москвы, и глаза ее были слегка по-восточному раскосыми; киевлянина Мирского с одинаковым успехом можно было принять как за немца, так и за русского. Тем не менее, быть уроженцем Киева означало определенные преимущества. Человек, лишившийся родного города – этому русские могли сочувствовать, сопереживать.

Они очень мало разговаривали. Им казалось, что они влюблены друг в друга, но это было неважно. Ефремова была одной из четырнадцати женщин – участниц программы Космического Десанта. До этого она проходила подготовку в качестве пилота войск ПВО, летая на учебных бомбардировщиках Ту-22М и на старых истребителях СУ. Мирский пришел в армию после окончания аэрокосмического инженерного училища. Ему повезло: вместо того чтобы

быть призванным в армию в восемнадцатилетнем возрасте, он стал стипендиантом программы Новой Реиндустриализации.

В училище он получил отличную характеристику, в которой особо отмечались успехи в общественно-политических науках и организаторские способности, и немедленно был назначен на нелегкую должность замполита эскадрильи истребителей в Восточной Германии, но затем его перевели в силы космической обороны, созданные лишь четыре года назад. До перевода он никогда не слышал о них, но такое везение... Ему всегда хотелось быть космонавтом.

Отец Ефремовой был высокопоставленным московским чиновником. Безопасная, с его точки зрения, программа военной подготовки была предпочтительнее общества пользовавшихся дурной славой молодых московских хулиганов. Девушка оказалась очень способной; ее ожидало большое будущее, хотя и не такое, о каком мечтал ее отец.

Они принадлежали к разным кругам, и шансы их случайной встречи были крайне малы. Тем не менее, встреча состоялась.

– Смотри, – сказала Ефремова. – Сегодня он отчетливо виден.

– Да? – Майор сразу же понял, о чем речь.

– Вон там.

Она склонила голову к его плечу и показала на летнее голубое закатное небо, на крохотную светящуюся точку рядом с полной луной.

– Они доберутся туда раньше нас, – с грустью сказала Ефремова. – Впрочем, как всегда.

– Ты пессимистка.

– Интересно, как они его называют, – продолжала она. – Как назовут его, когда долетят туда.

– Наверняка не «Картошкой»! – усмехнулся Мирский.

– Нет, – согласилась Ефремова.

– Когда-нибудь... – начал он, прищурившись, чтобы лучше разглядеть объект.

– Когда-нибудь... что?

– Наверное, придет время, когда мы отнимем его у них.

– Мечтатель, – улыбнулась Ефремова.

На следующей неделе на окраине аэродрома взорвалась барокамера, рассчитанная на двух человек. Ефремова испытывала в ней новый образец скафандра. Она погибла мгновенно. Сначала возникли некоторые опасения по поводу политических последствий этого несчастного случая, но, как оказалось, ее отец повел себя благоразумно. Лучше иметь в семье мученика науки, чем хулигана.

Мирский взял внеочередное увольнение на сутки и провел все это время один в московском парке с тайком привезенной из Югославии бутылкой брэнди, которую он даже не открыл.

Через год майор закончил подготовку и получил повышение. Он уехал из Подлипков и провел две недели в Звездном городке, где посетил музей Юрия Гагарина, ставший теперь чем-то вроде святилища для космонавтов. Оттуда он вылетел на секретный объект в Монголии, а затем... на Луну.

Все это время он не забывал о Картошке. Он знал, что когда-нибудь отправится туда, и притом отнюдь не в качестве советского представителя по программе обмена МКСОК.

Иначе это было бы недостойно его народа.

3. Канун Рождества 2004 года, Санта-Барбара, Калифорния

Патриция Луиза Васкес открыла дверцу машины, отстегивая ремень безопасности. Она торопилась домой на праздник. Психологическое тестирование в Ванденберге в течение последних нескольких дней полностью вымотало ее.

– Подожди, – сказал Пол Лопес. Он положил руку ей на плечо и уставился на приборную доску. Из стереомагнитофона неслась мелодия «Четыре времени года» Вивальди. – Твои старики вряд ли будут рады, если узнают...

– Не беспокойся, – ответила Патриция, откидывая назад прядь темно-коричневых, почти черных, волос. Нижняя часть ее круглого лица была освещена оранжевым светом уличного фонаря, и светло-оливковая кожа казалась розовой. Она изучающе разглядывала Пола, заплетая волосы в две косы. Ее глаза напомнили ему взгляд кошки за мгновение до прыжка.

– Им это понравится, – заметила она, кладя руку на плечо Пола и поглаживая его по щеке. – Ты мой первый приятель – не англосакс.

– Я имею в виду, что мы живем вместе.

– То, чего они не знают, им не может повредить.

– Я как-то неловко себя чувствую. Ты все время говорила, что у тебя старомодные родители.

– Я просто хотела познакомить тебя с ними и показать тебе свой дом.

– Я тоже этого хочу.

– Послушай, на фоне сегодняшних новостей, никого не будет волновать моя девственность. Если мама спросит, насколько серьезны наши отношения, я позволю тебе ответить.

– Великолепно!

Пол скорчил гримасу.

Патриция поднесла его руку ко рту и издала губами неприличный звук, затем открыла дверцу.

– Подожди.

– Что еще?

– Я не... Я имею в виду, ты знаешь, что я люблю тебя.

– Пол...

– Я только...

– Заходи в дом, познакомься с моей семьей. Успокойся. И не надо волноваться.

Они заперли машину и открыли багажник, доставая продукты. Патриция с коробкой в руках направилась по дорожке к дому; в холодном вечернем воздухе из ее рта вырывались клубы пара. Она вытерла ноги о коврик у порога, широко распахнула дверь, придержала ее локтем и крикнула:

– Мама! Это я. И я привела с Пола.

Рита Васкес взяла у дочери коробку и поставила ее на кухонный стол. В свои сорок пять лет она была лишь чуть полновата, но ее одежда явно не соответствовала моде даже с точки зрения равнодушной к таким вещам Патриции.

– Что это, гуманитарная помощь? – спросила Рита, протягивая руки и обнимая дочь.

– Мама, где ты откопала костюм из синтетики? Я не видела таких уже много лет.

– Я нашла его в гараже, в чемодане. Твой отец подарил мне его еще до твоего рождения.

Так где Пол?

– Он тоже несет коробки. – Патриция сняла пальто и вдохнула запах тамалес, дымящихся на кукурузных листьях, копченого окорока и сладкого картофельного пирога. – Пахнет, как дома, – заявила она, и мать засияла от радости.

В гостиной стояла алюминиевая елка с еще голыми ветвями – украшение елки в канун Рождества было семейной традицией, – и ярко горел огонь в газовом камине. Патриция улыбнулась, глядя на знакомые барельефы под карнизом, в виде виноградных гроздьев, и тяжелые

деревянные балки под потолком. Здесь она родилась, и куда бы она ни уезжала – неважно, насколько далеко, – это был ее дом.

– Где Джулия и Роберт?

– Роберт сейчас служит в Омахе, – ответила Рита из кухни. – В этом году он не смог приехать.

– О, – разочарованно сказала Патриция, возвращаясь в кухню. – А где папа?

– Смотрит телевизор.

В кухню вошел тяжело нагруженный Пол. Патриция взяла у него одну из коробок и поставила ее на пол рядом с холодильником.

– Мы ожидали встретить здесь целую армию, так что привезли кучу продуктов, – сказала она.

Рита взглянула на содержимое коробок и кивнула.

– Съедем. К нам придут наши соседи, мистер и миссис Ортис, и кузен Энрике со своей новой женой. Значит, это Пол?

– Угу.

Рита крепко обняла Лопеса, с трудом обхватив его спину. Потом взяла обе его руки в свои и отступила на шаг, разглядывая молодого человека. Высокий, стройный, с темными волосами и светлой кожей, Пол выглядел еще более англосаксом, чем другие. Тем не менее, разговаривая с ним, Рита улыбалась. Пол умел держаться с достоинством.

Патриция прошла через холл и прошла в небольшой кабинет, где перед телевизором сидел ее отец. В семье никогда не водились большие деньги, и телевизор у них был двадцатипятилетней давности. На экране во время стереопередач постоянно появлялись радужные помехи.

– Папа! – тихо позвала Патриция, останавливаясь в полутьме позади него.

– Патти!

Из-за высокой спинки кресла показалось лицо Рамона Васкеса с широкой улыбкой под пепельно-серыми усами. Он был частично парализован после инсульта, случившегося три года назад. Патриция присела на диван рядом с отцом.

– Я пригласила к нам Пола, – сказала она. – Жаль, что Джулия на этот раз не приехала.

– Мне тоже. Но ВВС – это ВВС.

Рамон прослужил в авиации двадцать лет, прежде чем уйти в отставку в 1996 году. За исключением Патриции, вся семья имела отношение к самолетам. Джулия познакомилась с Робертом на вечеринке на военно-воздушной базе Марч шесть лет назад.

– Я хочу кое-что сообщить тебе и маме.

– О? Что же? – Стала ли его речь лучше с тех пор как они разговаривали в последний раз? Похоже, что так. Она надеялась, что это так.

Из кухни послышался голос Риты:

– Дочка! Помоги нам с Полом убрать весь этот хлам.

– Что ты смотришь? – спросила Патриция, которой не хотелось уходить.

– Новости.

Комментатор – и его весьма внушительное изображение – рассказывал о Камне. Патриция задержалась, хотя мать позвала ее еще раз.

– В то время, как все новые и новые исследователи отправляются к Камню, общественность и ученые требуют проведения открытого форума. Сегодня, через четыре года после начала объединенных исследований под эгидой НАТО и Еврокосмоса, Камень все так же окутан покровом тайны, и...

Значит, никакие это не новости.

– Требования секретности особенно огорчают русских участников проекта. Тем временем протестующие представители Планетарного общества, Общества Л-5, Друзей Межпланет-

ных Связей и других групп собрались около Белого дома и так называемого Голубого Куба в Саннивейле, Калифорния, выступая против военного вмешательства и требуя предать гласности основные открытия, сделанные в Камне.

На экране появился серьезный, аккуратно подстриженный, строго одетый молодой человек. Он стоял перед Белым домом и говорил, преувеличенно жестикулируя:

– Мы знаем, что это искусственное тело инопланетного происхождения, и мы знаем, что внутри него находятся семь огромных камер. В каждой камере расположен город – необитаемый город, – во всех камерах, кроме седьмой. Там имеется нечто невероятное, нечто такое, что невозможно себе представить.

– Что это, по вашему мнению? – спросил интервьюер.

Молодой человек воздел руки к небу.

– Мы полагаем, они должны рассказать об этом. Что бы это ни было, мы как налогоплательщики имеем право знать!

Комментатор добавил, что представители НАСА и Объединенного космического командования воздержались от комментариев.

Патриция вздохнула и положила руки на плечи Рамона, машинально массируя их.

За обедом Пол внимательно наблюдал за ней, ожидая, когда она найдет подходящий момент, но она молчала, чувствуя себя неуютно в обществе друзей и соседей. Ее новость была предназначена лишь для ближайших родственников, и даже им Патриция не могла сказать всего.

Рита и Рамон, похоже, благосклонно приняли Пола. Это хорошо. В конце концов, они должны узнать об их отношениях, если уже не поняли того, что Патриция и Пол не просто назначают друг другу свидания, но живут вместе – насколько позволяют условия аспирантского общежития.

Столько секретов, предосторожностей... Возможно, родители не будут так шокированы, как она ожидала – или хотела? Ее немного смущала мысль о том, что отец и мать могут считать ее взрослой. Патриция не была с ними столь откровенна, как большинство ее друзей и знакомых.

В конце концов, они с Полом поженятся – в этом она была уверена. Но оба они молоды, и Пол не собирается делать ей предложение, пока не почувствует, что может содержать семью. Или пока Патриция не убедит его, что сможет это делать сама. Но даже после защиты это будет маловероятно еще несколько ближайших лет.

Не считая, конечно, платы, которую она должна получить от группы Джудит Хоффман. Эти деньги пойдут на отдельный страховой счет, пока она не вернется.

Когда посуда была вымыта и все собрались вокруг елки, и принялись наряжать ее, Патриция сделала знак матери, чтобы та вышла на кухню.

– И приведи отца.

Рита помогла Рамону добраться до кухни на костылях, и они расселись вокруг потертого деревянного стола, принадлежавшего семье, по крайней мере, шестьдесят лет.

– Я хочу кое-что вам сказать, – начала Патриция.

– О, *madre de Dios*, – воскликнула Рита, всплеснув руками, и восторженно улыбнулась.

– Нет, мама, это не по поводу нас с Полом.

Лицо матери застыло, затем расслабилось.

– Так что же?

– На прошлой неделе мне позвонили, – начала Патриция. – Я не могу сказать тебе всего, но мне придется уехать на два-три месяца, может быть, даже больше. Пол знает об этом, но я не могу сказать ему больше, чем только что сказала вам.

В кухню вошел Пол, толкнув качающуюся дверь.

– Кто тебе звонил? – поинтересовался отец.

– Джудит Хоффман.

– Кто это? – спросила Рита.

– Женщина, которую показывали по телевизору? – задал новый вопрос Рамон.

Патриция кивнула.

– Она – советник президента. Мне предложили поработать с ними, и это все, что я могу вам сказать.

– Почему они предложили это именно тебе? – спросила мать.

– Я думаю, они хотят, чтобы она построила машину времени, – улыбнулся Пол.

Каждый раз, когда он говорил это, Патриция приходила в ярость, но сейчас лишь пожала плечами. Она не могла ожидать, что Пол разберется в сути ее работы. Это было понятно очень немногим, и, уж конечно, не ее родителям и друзьям.

– У Пола есть и другие сумасшедшие теории, – бросила Патриция. – Но мои уста на замке.

– Она такая скрытная, – заметил Лопес. – С ней было трудно последние несколько дней.

– Если бы ты не пытался заставить меня говорить!.. – Она притворно вздохнула – в последнее время ей приходилось делать это достаточно часто – и посмотрела на молочно-белый потолок, потом повернулась к отцу. – Это должно быть очень интересно. Непосредственно связаться со мной будет невозможно. Можно писать по этому адресу. – Она пододвинула к себе телефонную книгу и написала данные абонемента ящика.

– Это важно для тебя? – спросила мать.

– Конечно, – ответил за нее Рамон.

Но Патриция этого не знала. Даже сейчас это казалось ей безумием.

Когда гости разошлись, она вытащила Пола на ночную прогулку по окрестностям. В течение полчаса они молча шагали мимо уличных фонарей.

– Я вернусь, ты же знаешь, – сказала наконец Патриция.

– Знаю.

– Я должна была показать тебе мой дом, поскольку для меня это очень важно. Рита, Рамон, дом...

– Да.

– Я думаю, что не смогу без них. Я столько времени провела в мире собственных мыслей и то, чем я там занимаюсь, столь непонятно и странно для большинства людей, что если бы у меня не было какого-то центра притяжения, какого-то места, куда можно вернуться, я не смогла бы жить.

– Я понимаю, – сказал Пол. – Очень приятный дом. Мне понравились твои старики.

Патриция остановилась, и они повернулись друг к другу, держась за руки.

– Я рада.

– Я тоже хочу, чтобы у нас с тобой был свой дом, – проговорил он. – Еще одно место, куда мы оба могли бы вернуться.

На лице девушки отразилось столь пылкое чувство, что, казалось, она готова прыгнуть на него.

– У тебя кошачьи глаза, – улыбнулся Пол.

Они повернули обратно и поцеловались на крыльце, прежде чем отправиться пить кофе и какао с корицей в компании ее родителей.

– Подожди, я сейчас, – бросила Патриция, когда они уже собрались ехать обратно в Калтех.

Она прошла через холл к ванной, мимо выпускных фотографий и окантованной страницы с оглавлением из журнала «Физикал ревю», где была опубликована ее первая статья. Она остановилась перед журнальной обложкой и пристально посмотрела на нее. Внезапно Патриции показалось, что сердце ее пропустило один удар, оставив своеобразную пустоту в груди – короткое, почти приятное ощущение падения, полета в никуда, – а потом все пришло в норму.

Она уже ощущала это раньше. Ничего серьезного – просто дуновение холодного ветра в груди, каждый раз, когда Патриция Васкес полностью отдавала себе отчет в том, куда она направляется.

4. 1174 год Путешествия, Аксис Надер

Премьер-министр Аксиса Ильин Таур Ингл стоял в просторном наблюдательном куполе, глядя на Путь, сквозь голубое сияние города, на дороги, ярко освещенные непрерывным движением между воротами. Позади него застыли два официальных фантома и делегат Нексуса Гексамона.

– Вы хорошо знаете Ольми, сер Франко? – изобразил премьер-министр на графречи.

– Нет, сер Ингл, – ответил делегат, – хотя в Нексусе он известен.

– Три воплощения. На одно больше, чем допускает закон – за выдающиеся заслуги.

Ольми – один из наших старейших граждан, все еще сохраняющий материальность, – заметил Ингл. – Загадочная личность. Он давно лишился бы привилегий и отправился на пенсию в Память Города, если бы не был столь полезен Нексусу.

Премьер-министр дал команду распылителю выдать его любимую разновидность тальзита. Туман заполнил куб, окруженный слегка светящимся пурпурным полем. Ингл зашел внутрь и глубоко вдохнул.

Фантомы не шевелились; их изображения не двигались без вызова и существовали лишь для того, чтобы подтвердить, что личности, находящиеся в Памяти Города, сейчас видят и слышат все происходящее.

– Он, кажется, из надеритов? – сказал материализованный помощник.

– Да. – Премьер кивнул. – Но он служит Гексамону независимо от того, кто находится у власти, и у меня нет оснований сомневаться в его лояльности. Крайне необычный человек. Он пережил великие перемены, великие страдания. Я помню его по событиям на отметке один и три экс девять. Ольми руководил там нашим наступлением на джартов. Но здесь он будет гораздо полезнее. Он – один из тех, на кого мы должны возложить эту миссию. Аксис Надер не может не согласиться с этим или обвинить нас в партизанских действиях; доклады, которые поступали от него, всегда отличались подробностью и точностью. Сообщите президенту, что мы понимаем задачу и потому посылаем Ольми.

– Да, сер Ингл.

– Я полагаю, фантомы получили ответы на свои вопросы?

– Мы слушаем, – сказал один из фантомов. Другой не пошевелился.

– Прекрасно. Теперь я намерен встретиться с сером Ольми.

Фантомы исчезли. Делегат Франко вышел, дотронувшись пальцем до ожерелья и создав над левым плечом флаг официальной службы.

Премьер-министр выключил поле, и помещение заполнилось тальзитом. Запах был своеобразным – резким, как старое вино. Вошел Ольми.

Он тихо приблизился, не желая прерывать состояние задумчивости, в котором находился Ингл.

– Входите, сер Ольми, – сказал Премьер-министр, поворачиваясь к Ольми, поднимавшемуся по ступеням платформы. – Сегодня вы хорошо выглядите.

– Вы тоже, сер.

– Да. Жена в последний раз устроила мне прекрасную чистку памяти, стерев кучу неприятностей из двадцатого года моей жизни. Это был не слишком удачный год, и, забыв его, я испытал облегчение.

– Прекрасно, сер.

– Когда вы женитесь, Ольми?

– Когда найду женщину, которая сможет стереть двадцать первый год моего первого воплощения.

Ингл добродушно рассмеялся.

– Я слышал, вы поддерживаете теплые отношения в Аксис Надере с... Как ее зовут?

– Сули Рам Кикура.

– Да, конечно... Она в свое время активно сглаживала конфликт между горячими головами Нексуса и фракцией Корженовского, верно?

– Мы редко говорили на эту тему.

Премьер глубоко вздохнул и сосредоточенно уставился на платформу.

– Значит, так. Вам предстоит трудная миссия.

– Рад служить Гексамону.

– На сей раз вряд ли. Это не обычное расследование по поводу контрабандной торговли через ворота. Каждые несколько десятилетий мы посылаем кого-нибудь на Пушкинку, чтобы проверить, как там обстоят дела. На сей раз это вдвойне необходимо. На Пушкинке появились обитатели.

– Кто-то пересек Запретную Зону?

– Нет. Еще загадочнее. Никто не проходил через наши посты у первого барьера. Видимо, они каким-то образом проникли туда извне; что еще более удивительно – это люди. Их немного, но они организованы. Бесплезно рассуждать о том, откуда они взялись – информация слишком противоречива. У вас, конечно, будут все необходимые полномочия и средства передвижения. Об остальном вам сообщит сер Алголи. Ясно?

Ольми кивнул.

– Хорошо. – Ингл перегнулся через ограждение и взглянул на простирившуюся в двадцати километрах под ним поверхность, где бурлил водоворот света. – Похоже, у этих ворот затор. Время такое – сплошные беспокойства. Месяц Добрых Людей. – Он повернулся к Ольми. – Желаю успеха. Или, как говорили древние, да будут благосклонны к тебе Звезда, Судьба и Сила Духа.

– Спасибо, сер.

Ольми сошел с платформы и покинул купол. Поднявшись на лифте вдоль длинного узкого пилона в Центральный Город, он начал приводить дела в порядок перед длительной отлучкой.

Новое назначение было привилегией. Возвращаться на Пушкинку запрещалось, если только этого не требовал Нексус. Ольми не был там больше четырехсот лет.

С другой стороны, конечно, это могло стать очень опасной миссией – особенно учитывая столь противоречивую информацию. Он мог бы увеличить вероятность успеха, взяв с собой франта.

Если на Пушкинке были люди, и не ренегаты из Города – а это наиболее правдоподобное объяснение, – то откуда же они появились?

Это не давало ему покоя.

Глава 1

Апрель 2005 года

На первом этапе путешествия – в пассажирском салоне шаттла – Патриция Васкес видела окутанный туманом диск Земли на экране монитора. А чуть раньше установленные снаружи камеры показали ей механических чудовищ, передававших огромный груз в поджидающие руки ОТМ – орбитального транспортного модуля. Это напоминало двух пауков с упакованной в кокон мухой. Операция заняла около часа, и захватывающее зрелище отвлекло ее от мыслей о том, где и зачем она оказалась.

Когда подошла ее очередь и она облачилась в «пузырь», чтобы преодолеть десять метров до шлюза ОТМ, ей с трудом удавалось сохранять спокойствие. Пузырь был сделан из прозрачного пластика, так что Патриция не страдала от клаустрофобии. Скорее, даже наоборот. Она ощущала бесконечную черноту за пределами корабля, хотя и не могла разглядеть звезды – их затмевало сияние Земли и ярко освещенная поверхность ОТМ, цепочки цилиндров, шаров и призм, соединенных алюминиевыми балками.

Экипаж модуля, состоявший из трех мужчин и двух женщин, тепло приветствовал девушку в узком туннеле, когда она «вылупилась» из оболочки. Затем ее проводили к креслу, расположенному прямо за местами команды. Эта позиция давала хороший и ясный обзор, и она могла видеть отчетливые точки звезд.

Теперь, когда космос был прямо перед Патрицией и их не разделял экран монитора, казалось, что она находится в бесконечном усыпанном звездами зале. Она чувствовала себя так, словно могла войти туда и заблудиться среди созвездий.

На Патриции все еще был черный комбинезон, который ей выдали во Флориде всего шесть часов назад. Она чувствовала себя грязной; волосы, даже туго стянутые, торчали раздражающими клоками. Ей казалось, будто она ощущает запах собственного беспокойства.

Экипаж плавал вокруг, заканчивая последние проверки и вводя необходимые данные в компьютер. Патриция разглядывала разноцветные комбинезоны – красный и голубой у женщин, зеленый, черный и серый у мужчин – и лениво размышляла, кто из них кому подчиняется и кто кем командует. Субординация никак не проявлялась ни в голосе, ни в манере поведения, словно экипаж состоял из гражданских лиц. Но это было не так.

ОТМ был военным транспортным, соответствующим ограничениям, введенным после Малой Гибели. Один из десятков новых кораблей, построенных на земной орбите после появления Камня, он существенно отличался от транспортов, обслуживавших орбитальные защитные платформы Объединенных космических сил. Он был крупнее и мог летать на значительно большие расстояния; в соответствии с договором, ОТМ не мог доставлять грузы на орбитальные защитные платформы.

– Стартуем через три минуты, – объявила один из пилотов, блондинка, имя которой Патриция уже забыла. Она коснулась плеча девушки и улыбнулась. – Примерно полчаса здесь будет твориться нечто неопишное. Если вам нужно выпить воды или воспользоваться туалетом, самое время сделать это сейчас.

Патриция покачала головой и улыбнулась в ответ.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Хорошо. Девственница?

Патриция изумленно уставилась на нее.

– Она имеет в виду первый полет, – пояснила вторая женщина.

Патриция вспомнила ее имя – Рита, как и у ее матери.

– Конечно, – подтвердила Патриция. – Иначе я не сидела бы здесь, словно корова на бойне?

Блондинка рассмеялась. Пилот – Джеймс или Джек, – с прекрасными зелеными глазами, оглянулся и посмотрел.

– Не волнуйтесь, Патриция, – успокаивающе сказал он.

Их профессиональная уверенность слегка пугала. Это были опытные космонавты, работавшие ранее на околоземных орбитальных платформах, а теперь обслуживающие рейсы между Землей, Луной и Камнем. Она же была всего лишь молодой женщиной, только-только закончившей аспирантуру, и никогда прежде не покидала даже штат Калифорния – до того, как отправилась во Флориду, на космодром Кеннеди.

Интересно, думала она, что сейчас делают отец и мать у себя дома в Санта-Барбаре? Где, они предполагают, может быть их дочь? Патриция попрощалась с родителями всего неделю назад, и у нее до сих пор сжималось сердце при воспоминании о последних минутах, проведенных с Полом. Его письма дойдут до нее – это было гарантировано, – но что она сможет ответить? Скорее всего, ничего. А ей предстояло провести в космосе, как минимум, два месяца.

Она прислушалась к гудению механизмов ОТМ. Работали топливные насосы, послышались таинственные звуки, похожие на бульканье, словно большие водяные пузыри всплывали позади пассажирского салона. Затем – резкое завывание двигателей, уносящих транспортный модуль прочь от шаттла.

Они начали вращаться вокруг оси, совпадающей с центром грузового кокона, закрепленного на запасном шестиугольном резервуаре с горючим. ОТМ рванулся вперед с ускорением, которое придал ему первый импульс двигателя. Блондинка, не успевшая сесть в кресло, приземлилась на ноги у задней переборки, спружинила коленями и закончила вводить команды в процессор.

Затем все пристегнули ремни.

Второй импульс последовал через пятнадцать минут. Патриция закрыла глаза, поудобнее устроилась в кресле и решила поработать над проблемой, отложенной более двух недель назад. На начальном этапе работы она вполне могла обходиться без бумаги. Сейчас в ее голове проплывали символы, разделенные знаками, изобретенными Патриция, когда ей было десять лет. Музыки не было – обычно во время работы она слушала Вивальди или Моцарта – но, тем не менее, она начала погружаться в море абстракций. Рука потянулась к дискам и плееру, лежавшим в сумочке.

Несколько минут спустя Патриция открыла глаза. Все сидели на своих местах, внимательно глядя на приборы. Она попыталась задремать, но, прежде чем заснуть, вновь поставила перед собой Большой Вопрос:

Почему именно она была выбрана из списка математиков который километровой длины? То, что она получила премию Филдса, не являлось серьезной причиной; многие превосходили ее и опытом, и известностью...

Хоффман ничего, собственно, не объясняла. Вот, что она сказала: «Вы отправляетесь на Камень. Все, что вы должны знать, находится там, и информация эта секретна, так что я не имею права передавать вам документы на Земле. Вам многое предстоит узнать, и я уверена, что для такого ума, как ваш, это будет великолепное развлечение.»

Насколько было известно Патриции, ее опыт был ни при чем, и это ее вполне устраивало.

Она не сомневалась в своих способностях. Но сам факт, что выбрали именно ее, что о ней знали (как там звучала тема ее диссертации? «Геодезия негравитационных искривлений n-пространственных относительных систем: подход к суперпространственной визуализации и распределение вероятностей»), лишь усиливал ее тревогу.

Шесть лет назад профессор математики в Стэнфорде сказал Патриции, что единственными, кто в состоянии в полной мере оценить ее работу, являются лишь боги или инопланетяне.

В полудреме, когда куда-то уплыли шум модуля и неприятное ощущение в желудке, она думала о Камне. Власти не препятствовали возникновению дискуссий вокруг этой проблемы, но и не поддерживали их. Русские, которых допустили на Камень лишь в прошлом году, тщательно скрывали, что увидели там их исследователи.

Астрономы-любители и немногие гражданские специалисты, не участвующие в проекте отмечали наличие трех правильных полос, опоясывающих Камень параллельно экватору, и странных углублений на каждом из полюсов, словно он был выточен на токарном станке. В итоге все знали, что это крупная сенсация, возможно, величайшая сенсация всех времен. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Пол, сопоставив несколько странных фактов, сказал Патриции, что, по его мнению, она летит на Камень. «Ты слишком умна, чтобы отправиться куда-либо еще», – заметил он.

Боги и инопланетяне.

Ей все же удалось заснуть. Проснувшись, она на короткое время увидела Камень, когда ОТМ разворачивался перед посадкой. Он был очень похож на фотографии, которые она много раз видела в газетах и журналах – по форме напоминающий фасолину, густо покрытый кратерами между опоясывающими его искусственными каналами. Девяносто один километр в диаметре в самом широком месте, двести девяносто два километра в длину. Скала, никель, железо и много чего другого.

– Мы приближаемся к южному полюсу, – сообщила блондинка, поворачиваясь к Патриции. – Сейчас – небольшая лекция, на тот случай, если вас еще не просветили. Так сказать, слепой ведет слепого. – Она бросила многозначительный взгляд на своих коллег. – Прежде всего, несколько цифр и фактов, важных для навигаторов. Обратите внимание, что Камень вращается вокруг длинной оси. Ничего удивительного – все об этом знают, – но он совершает полный оборот за семь минут или около того...

– Каждые шесть целых восемьсот двадцать четыре тысячных минуты, – уточнил Джеймс или Джек.

– Это означает, – невозмутимо продолжала блондинка, – что все не закрепленное на поверхности сразу же улетит оттуда на хорошей скорости, так что сесть там мы не можем. Нам придется пройти через полюс.

– Там внутри что-то есть? – спросила Патриция.

– Там внутри есть много чего, если они сохраняют все – и всех, – доставленных нами за последние несколько лет, – сообщил Джеймс или Джек.

– Камень имеет такое же альbedo, как и любой кремниевый астероид. Вероятно, таковым он и был когда-то. А вот и южный полюс.

Посреди большого полярного кратера находилось углубление – судя по размерам самого Камня, довольно маленькое, не более километра в глубину и трех-четырех километров в ширину.

Вращение Камня было отчетливо заметно. Когда ОТМ начал приближаться к нему по оси, кратер вырос и стали различимы детали. Почти без удивления Патриция обнаружила, что дно углубления выложено мелкими шестиугольниками, словно пчелиные соты.

В центре виднелось круглое черное пятно, примерно, ста метров в диаметре. Отверстие. Вход. Оно росло, но оставалось столь же интенсивно черным.

ОТМ скользнул внутрь.

– Нам придется задержаться на пять минут, пока вращающийся стыковочный узел не наберет нужную скорость, – пояснил Джеймс или Джек.

– Это сделали мы? – неуверенно спросила Патриция. – Всего за пять лет?

– Нет, дорогая моя, – сказала блондинка. – Это уже было здесь. Я уверена, вы слышали о том, что Камень внутри пуст в нем семь камер. У нас тут изрядное количество персонала и тысячи тонн оборудования. Они занимаются Бог знает чем и находят такие вещи, что мы многое отдали бы ради того, чтобы их увидеть, уж поверьте. Но больше мы ничего не знаем, и нам приказано не распространять слухи. Однако вам это ни к чему.

– Мы принимаем стыковочный сигнал в течение семи минут, – объявил Джеймс или Джек. – Через несколько секунд будет прямая связь.

Послышался мелодичный сигнал вызова.

– ОТМ три-семь, – произнес спокойный мужской голос. – Стыковочный узел вращается в рабочем режиме. Двигайтесь вперед со скоростью одна десятая метра в секунду.

Рита щелкнула переключателем, и вспыхнули прожектора ОТМ, частично осветив внутренность серого цилиндра, внутри которого находился модуль. Впереди появились четыре ряда огней, слегка покачивающихся вперед и назад, пока регулировалась скорость вращения стыковочного узла.

– Поехали.

– ОТМ медленно двинулся вперед.

Патриция кивнула и зажала руки между коленями. Последовал едва различимый толчок – заработали двигатели ОТМ, – затем корабль остановился. Впереди открылся люк, и из него выплыли три человека в скафандрах с кабелями в руках. Пользуясь ранцевыми двигателями, они облетели модуль и закрепили его.

– Вы пришвартовались, ОТМ три-семь, – сообщил голос по радио несколько минут спустя. – Добро пожаловать на Камень.

– Спасибо, – сказал Джеймс или Джек. – У нас большой и ценный груз. Обращайтесь с ним поаккуратнее.

– Импортный или местный?

– Местный. Лучших калифорнийских сортов.

Патриция не знала, говорят они о вине или о ней, но была слишком взволнована, чтобы спросить.

– Понял вас.

– Посвятите нас в какие-нибудь новые тайны, проводник. – попросила блондинка.

– Мои люди хотят получить груз через пять минут.

– Время пошло.

– Новые тайны? Посмотрим. Почему ворон похож на грифельную доску?

– Ублюдок. Я подумаю, – бросил Джеймс или Джек. Он отключил связь и взлетел над креслом, чтобы помочь Патриции отстегнуть ремни. – Они тут все держат язык за зубами, – сообщил он, ведя ее к выходу. – Оставляю вас на их милость. И обещайте нам когда-нибудь – обещаете? – Он отечески похлопал ее по плечу. – Когда все здесь образуется, и мы соберемся в баре в Саусалито... – Он улыбнулся, представив себе всю нелепость этой картины. – Расскажите нам, что, черт побери, здесь стряслось, шаг за шагом? Мы будем наслаждаться этим всю оставшуюся жизнь.

– Почему вы думаете, что мне об этом расскажут? – спросила Патриция.

– Вы разве не знаете? – Рита присоединилась к ним у люка. – Вам даны неограниченные полномочия. Ваша задача – спасти их коллективную шкуру.

Патриция забралась в переходной пузырь, и люк за ней закрыли. Глядя в иллюминатор, она видела любопытство на лицах оставшихся. Шлюзовая камера открылась, и появились два человека в скафандрах, которые извлекли пузырь из ОТМ. Ее передали из рук в руки через круглое отверстие в темно-серой поверхности стыковочного узла.

Глава 2

На расстоянии двадцати пяти километров от оси вращения Камня создавало силу тяжести в шесть десятых земной. Гарри Лэньер ежедневно пользовался этим для гимнастических упражнений, которые были бы сложны или просто невозможны на Земле. Он раскачивался вперед и назад, с силой выдыхая воздух, и взлетал над брусьями и ямой с великолепным белым песком. Вертеться и переворачиваться было легко – нужен был только замах ногами.

Эта разминка освобождала его мозг от каких-либо мыслей – по крайней мере, на несколько минут – и вновь возвращала к тем дням, когда он был чемпионом колледжа по гимнастике.

Первая камера Камня в поперечном сечении напоминала короткий толстый цилиндр диаметром в пятьдесят километров и длиной в тридцать. Поскольку каждая из первых шести камер Камня была шире в диаметре, чем по длине, они напоминали глубокие долины. Их иногда так и называли.

Лэньер на секунду замер, вытянув пальцы ног, и посмотрел вверх на плазменную трубку. Кольца света проходили сквозь ионизированный газ, немногим более плотный, чем почти идеальный вакуум вокруг, и проносились по оси от одной стены камеры к другой с такой скоростью, что глаз воспринимал их движение как непрерывный прозрачный светящийся луч или трубку. Плазменная трубка – и ее продолжения в других камерах – освещала внутренности Камня и делала это в течение двенадцати столетий с небольшим.

Лэньер прыгнул на песок и вытер руки о тусы. Он посвящал гимнастике около часа – не больше, – как только предоставлялась такая возможность, что случалось нечасто. Его мускулы ощущали недостаток силы тяжести, но, по крайней мере, он привык к разреженному воздуху.

Гарри провел рукой по коротко подстриженным темным волосам, слегка встряхивая ногами, чтобы остудить их.

Вскоре ему предстояло снова вернуться в небольшой кабинет административного корпуса, снова составлять списки материалов для разнообразных экспериментов, наблюдать за тем, как сменяются научные группы в пяти тесных лабораториях, распределять оборудование и время центрального процессора... Снова к блокам памяти и информации, поступающим из второй и третьей камер...

И снова – к постоянным перебранкам на темы секретности, к постоянным жалобам русской группы на ограниченный доступ к информации.

Лэньер закрыл глаза. Со всем этим он был в состоянии справиться. Хоффман как-то раз назвала его прирожденным администратором, и он в этом не сомневался – умение руководить людьми, в особенности умными, способными людьми, было у него в крови.

Но ему предстояло вернуться и к маленькой фигурке в верхнем ящике стола. Для него эта фигурка символизировала все, что было связано с Камнем.

Это было выполненное с большим искусством трехмерное изображение человека, заключенное в хрустальном кубе. У основания куба, высота которого не превышала двенадцати сантиметров, аккуратными округлыми буквами было выгравировано имя: **КОНРАД КОРЖЕНОВСКИЙ**.

Корженовский был главным инженером Камня – шестьсот лет назад.

Здесь начиналось то знание – Лэньер думал о нем как о Библиотечном Звере, угрожающем пожрать его, – которое каждый день отбирало частицу его сущности, приближая его, в некотором роде, к кризису личности. И ничего нельзя было поделать с тем, что знали только он и еще десять человек. Скоро должна прибыть одиннадцатая.

Лэньеру стало жаль ее.

Гимнастические снаряды находились в пятистах метрах от научного комплекса, на полпути между ним и барьером из колючей проволоки, обозначавшим границу, которую никто не мог пересечь без сопровождения и без зеленого значка.

Поверхность долины была покрыта мягкой, сыпучей почвой, не пыльной, хотя и сухой. Кое-где росли островки травы, но по большей части первая камера была бесплодной.

Сам научный комплекс – один из двух в первой камере – напоминал древнеримский военный лагерь с земляным валом и неглубоким сухим рвом, окружающим здания. На столбах, установленных по верху вала через каждые пять метров, имелись электронные датчики. Все эти предосторожности вели свое начало с тех времен, когда вполне разумно было предполагать, что в камерах все еще могут находиться обитатели Камня и что они могут представлять определенную опасность. В силу привычки – а также ввиду того, что подобная возможность никогда не могла полностью исключаться – предосторожности сохранялись.

Лэньер прошел по солидному деревянному мосту, перекинутому через ров, и поднялся по ступеням на земляной вал, помахав своей карточкой перед одним из датчиков.

Пройдя мужского и женского бунгало, он вошел в административный корпус, мимоходом постучав пальцем по столу Энн Блейкли и помахав ей. Энн была его секретаршей и помощником уже более года. Она повернулась на стуле, подхватив блокнот.

– Гарри...

Он покачал головой, не глядя на нее, и начал подниматься по лестнице.

– Еще пять минут.

На втором этаже Лэньер вставил карточку в щель на двери своего кабинета, прижал большой палец к небольшой пластинке и вошел. Дверь автоматически захлопнулась за ним. Он снял спортивные трусы и рубашку, переодевшись в голубой комбинезон научной команды.

Кабинет был обставлен со всей возможной аккуратностью, но в нем все же ощущался некоторый беспорядок. Небольшой стол, сделанный из перегородок контейнеров ОТМ, стоял рядом с хромированными ящиками, заполненными бумажными рулонами. Узкая полка с книгами соседствовала со стеллажами для блоков памяти, закрытыми прочными пластиковыми панелями. На стенах висели карты и диаграммы.

Широкое окно выходило на строения научного комплекса. На севере, на фоне безжизненной долины, покрытой песком, грязью и чахлой растительностью, неясно вырисовывались очертания далекого купола.

Гарри сел в легкое директорское кресло и положил ноги на подоконник. Его темные глаза, окруженные усталыми морщинами, глядели на далекую точку, где плазменная трубка пересекалась с куполом. Из-за рассеянного свечения трудно было разглядеть стометровое отверстие, которое вело во вторую камеру. Отверстие находилось в пяти километрах над атмосферой.

Через две минуты его личное время закончится. Он привел в порядок блоки памяти и электронные блокноты, просмотрел график дня, мысленно готовя себя к работе.

Под одним из ногтей была грязь. Гарри вычистил ее другим ногтем.

Если бы он только мог объяснить самые простые вещи – фигурку, колючую проволоку барьера, дерево, из которого сделан мост – все бы встало на свои места.

Камень мог бы объяснить все сам.

Единственное же объяснение, которое имелось сейчас, было слишком невероятным для того, чтобы считаться разумным.

Загудел зуммер интеркома.

– Да, Энн.

– Вы уже при исполнении, Гарри?

– Теперь – да.

– К нам приближается ОТМ.

– Наша спасительница?

– Полагаю, что да.

Хоффман сказала, что эта девушка – крайне важная персона, а слово Советника было одним из немногих, с чем Лэньер чувствовал необходимость считаться. За четыре года, прошедших с той вечеринки, он многое узнал о мировой политике и о том, как нации справляются с кризисами. Он осознал, насколько действительно неординарным человеком была Хоффман. Способная и с невероятной интуицией.

Но на той вечеринке она была абсолютно не права в одном: появление Камня не сигнализировало о прибытии инопланетян, во всяком случае – не в прямом смысле этого слова.

Гарри взял два блока памяти и процессор.

– Что-нибудь еще? – спросил он, стоя у стола Блейкли.

– Входящие и исходящие. – Энн протянула пачку сообщений.

Вдоль почти вертикального склона купола всегда дул мягкий холодный ветерок. Иногда падал снег, скапливаясь сугробами у железо-никелевых стен. Вход в лифт – идеальная полукруглая дуга – был, как и все туннели, служебные ходы и сважены, проложен в толще астероида с помощью мощных лазерных излучателей. Стены небольшого зала были гладко отполированы и протравлены кислотой, благодаря чему обнажились прекрасные треугольные узоры Видманштеттена, испещренные мелкими каменными вкраплениями.

Лифт представлял собой цилиндр размерами десять метров в диаметре и пять в высоту и использовался как для персонала, так и для грузов. По периметру шли поручни, а в полу имелись скобы для крепления груза. Наклонный туннель вел к скважине, выходящей на поверхность. По мере того как лифт поднимался, уменьшалась центробежная сила вращения Камня. Вблизи скважины сила тяжести составляла лишь одну десятую процента земной.

Путешествие заняло десять минут. Лифт мягко сбавил скорость и остановился; его противоположный выход вел в заполненный воздухом туннель.

С помощью электрической тележки, одной из двух десятков привезенных с Земли, Лэньер преодолел большую часть оставшегося пути по магнитному рельсу.

Тележка остановилась, и последние метры он проплыл, держась за направляющие канаты.

Первые причаливания в скважине были делом непростым. В то время еще не было соответствующих мощностей для вращения входных камер и достаточного освещения. Пилоты ОТМ раз за разом демонстрировали свое искусство. Первые исследователи в скафандрах проявляли немалую смелость, покидая корабль и приближаясь к стенам скважины, вращавшейся со скоростью три четверти метра в секунду. Сейчас, когда механизмы входной камеры были отремонтированы и вновь приведены в действие, процесс причаливания стал намного легче.

Три посадочных дока были достаточно просто устроены и вполне эффективны. Цилиндры внутри скважин вращались сами, чтобы скомпенсировать вращение Камня, разгоняясь, словно ротор гигантского электродвигателя. Один инженер управлял всеми доками, открывая и закрывая люки, координируя высадку пассажиров и разгрузку грузов.

Зона вокруг скважины была хорошо оборудована; ее заполняли склады и ремонтные мастерские. Здесь грузы проверялись, переупаковывались и либо доставлялись с помощью лифтов вниз, в долину, либо отправлялись по оси к следующей скважине, в очередную камеру.

Руководитель инженерной группы, Лоренс Хайнеман разговаривал с хрупкой темноволосяй девушкой, когда Лэньер вплыл в первый док. Они стояли в широком световом овале, держась за канаты, и смотрели, как отодвигается большая герметичная дверь, открывая кокон с грузом ОТМ, покоящийся на перекладинах. На его фоне они казались карликами.

Хайнеман, невысокий коротко остриженный специалист по аэрокосмической технике из Флориды, широко улыбался и размахивал руками, что-то объясняя девушке. Когда Лэньер приблизился к ним, Хайнеман повернулся, протянул руку и слегка поклонился.

– Патриция, это Гарри Лэньер, можно сказать, наш гражданский босс. Гарри, это мисс Патриция Луиза Васкес. – Он покачал головой и восторженно выдохнул: – Уфф!

Лэньер пожал руку Патриции. Она была маленькой и своей хрупкостью вызывала симпатию. Круглое лицо, шелковистые темно-каштановые волосы, тонкие запястья, узкие ноги, слишком широкие бедра. Совершенно непрacticalная внешность, подумал он. Глаза девушки были большими и круглыми, столь же черными, как и его собственные, нос – маленьким и острым; губы плотно сжаты. Она выглядела испуганной.

– Очень приятно, – улыбнулся Лэньер. – Гарри, что ты успел ей рассказать?

Хайнеман уклонился от ответа, широко улыбнувшись.

– Патриция, у меня пока что голубой значок – а вы я слышал, получите зеленый. Гарри опасается, что вы могли услышать от меня всякие невежественные предположения человека, болтающегося возле оси. Клянусь, я не сказал ничего лишнего. – Он поднял правую руку и приложил левую к груди. – Гарри, я читал некоторые статьи этой леди в математических и физических журналах. Просто фантастика.

Однако на его лице был ясно выражен вопрос, который Лэньер понял однозначно: «Что, черт побери, она здесь делает?»

– Об этом я тоже слышан. – Он показал на кокон. – Что там?

– Наконец-то мой допуск к зеленому значку, наконец-то, – пояснил Хайнеман. – Судя по ярлыкам, это трубоход. А АВВП прибудет на следующем ОТМ, через несколько часов.

– Тогда давай распакуем его и посмотрим, что надо доделать.

– Ладно. Рад был с вами познакомиться, Патриция. – Хайнеман собрался было уходить, но внезапно остановился и обернулся с озадаченным выражением. – То, о чем вы пишете, для меня, скорее, хобби; это – за пределами моей специальности. – Он с надеждой поднял брови. – Может быть, мы все-таки сможем поговорить позже, когда я получу свой зеленый значок?

Патриция улыбнулась и кивнула. Мужчины и женщины в серых комбинезонах уже собирались вокруг кокона, словно муравьи, ухаживающие за маткой. Хайнеман присоединился к ним, отдавая распоряжения.

– Мисс Васкес... – начал Лэньер.

– Можно просто Патриция. Я не люблю официально.

– Я тоже – по мере возможности. Я – координатор научной команды.

– Мистер Хайнеман сказал мне. У меня столько вопросов!.. Мистер Лэньер, Гарри, это на самом деле космический корабль, звездолет – вся эта штука?

– Патриция взмахнула рукой, вследствие чего ноги ее сразу же оторвались от палубы.

– Да, – подтвердил он, испытывая знакомое своеобразное удовлетворение. Несмотря на то, что Камень за последние несколько лет почти свел его с ума своими бесконечными сюрпризами и потрясениями, он продолжал в немалой степени любить его.

– Откуда он взялся?

Лэньер поднял руки и покачал головой. Васкес внезапно заметила, сколь усталым он выглядел, и несколько умерила свой пыл.

– Прежде всего, я уверен, вы хотите отдохнуть и помыться. В долине – на поверхности камеры – у нас имеются все удобства. Потом вы можете посетить кафетерий, познакомиться с учеными из нашей команды, поговорить с ними. Всеу свое время.

Васкес внимательно разглядывала Гарри. Взгляд ее показался ему не слишком доброжелательным, даже агрессивным.

– Что-то не так? – Лэньер приподнял брови и посмотрел в сторону. – У нас есть название для того, что происходит здесь с человеком. Мы называем это – окаменение. Я просто немного окаменел, вот и все.

Она посмотрела вокруг и поэкспериментировала с центробежной силой, легким толчком пальца ноги подбросив себя вверх.

– Здесь все выглядит так знакомо! – заметила она. – Я ожидала увидеть таинственный артефакт инопланетного происхождения, но почти все знакомо, словно он построен на Земле, нами самими.

– Ну, – сказал Лэньер, – Хайнеман и его люди основательно здесь потрудились. Но не будем торопиться. Если вы последуете за мной, мы спустимся в первую камеру. Держитесь за канаты. И, если Ларри вам этого уже не сказал, добро пожаловать на Камень.

Глава 3

Патриция лежала на надувном матрасе, не шевелясь, чтобы не скрипели синтетические простыни о винил. Окутанная темнотой, она находилась в тепле и чистоте, была сыта – еда в кафетерии была более чем съедобной – и теперь лежала усталая, но заснуть не могла. Перед ее мысленным взором все еще вставали недавние впечатления.

Поверхность камеры тридцатикилометровой ширины – испещренный серыми и коричневыми пятнами ландшафт, ограниченный с каждой стороны бесстрастным камнем и металлическими стенами, пронизанными светящейся плазменной трубкой.

Она наблюдала своеобразную картину, стоя у входа в лифт на нулевом уровне и глядя на необъятный ландшафт вокруг, выглядевший плоским и нормальным, словно пустыня в светлый облачный день. Однако при взгляде в любую сторону – как по направлению вращения, так и против него – отчетливо видна была кривая. Патриции казалось, что она стоит под широким арочным мостом, перекинутым через яркую молочную реку плазменной трубки над головой. Прямо на севере поверхность изгибалась вверх, следуя очертаниям круглого купола. Наверху все выглядело искаженным, словно виднелось сквозь объектив «рыбий глаз» – поверхность камеры замыкалась в кольцо вокруг плазменной трубки.

Механизмы Камня все еще действовали, хотя его камеры опустели много столетий назад.

Лэньер не отвечал на многие ее вопросы, говоря Патриции, что она все увидит «в процессе», шаг за шагом. «Иначе, – сказал он, – вы не поверите в то, что мы вам расскажем». Это не было лишено смысла, но она все еще пребывала в растерянности. В чем, собственно, заключалась тайна? Камень производил величественное и потрясающее впечатление, но в нем не было ничего такого – насколько она могла судить, – что могло бы возбудить ее профессиональный интерес. Самая обычная физика, хотя и весьма совершенная.

Действительно, все было просто. Возьмем большой астероид, камень с железо-никелевым ядром – миллионолетний осколок первобытного планетного вещества – и запустим его на орбиту. Выдолбим внутри семь камер, соединенных вдоль оси скважинами, затем в оставшемся объеме сделаем сеть туннелей, транспортных путей, складских помещений и лифтов. Возьмем дополнительно несколько углеродных и ледяных астероидов и начнем транспортировать их составляющие в камеры. Отправим Камень в глубокий космос, и – вуаля!

Камень.

Пока что она узнала немного. Камеры соединялись туннелями, проложенными в толще астероида. Многие туннели были частью развитой транспортной системы. В то время, когда Камень был обитаемым, первая камера выполняла роль вспомогательной и складской зоны. Седьмая, вероятно, использовалась для подобной же цели, что было логично – внешние камеры, кроме всего прочего, являлись буферами, предохранявшими от повреждений относительно тонкие концы астероида. Толщина стенки в некоторых местах составляла там лишь несколько километров.

Но с седьмой камерой было связано и нечто необычное. Патриция чувствовала это по голосу Лэньера и понимала по выражению лиц тех, с кем познакомилась в кафетерии. И кроме того, носились слухи еще на Земле...

Так или иначе, седьмая камера отличалась от остальных, и это было крайне важно.

Пока что она познакомилась с пятью учеными, и, с тремя из них – в кафетерии: со специалистом по формированию астероидов Робертом Смитом, высоким, худым, рыжеволосым, с чуть раскосыми глазами, из-за которых он выглядел грустным; с Хуа Линем, стройным красивым главой китайской команды, специалистом по физике плазмы, проводившим большую часть времени у южной полярной скважины, и Ленорой Кэрролсон, круглолицей пятидесяти-

летней блондинкой с неизменно дружелюбным, сочувственным выражением лица, глаза которой с тяжелыми веками были окружены улыбочными морщинками.

Кэрролсон отнеслась к Патриции с материнской заботой. Той потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что это та самая Ленора Кэрролсон, лауреат Нобелевской премии, женщина-астрофизик, открывшая и частично объяснившая эффект жемчужных звезд восемь лет назад.

Кэрролсон поняла намек Лэньера на то, что ее задача – познакомить Патрицию с женским бунгалом. Оно располагалось в длинном казарменного вида здании нав севере камеры. Комнаты были маленькими и скромными, но по-своему комфортабельными, несмотря на легкость и компактность мебели. В комнате отдыха Кэрролсон представила ее двум другим астрономам, Дженис Полк и Берил Уоллес. Обе – из Эбелл-Эррэй в Неваде. Они сидели, развалившись в креслах, которые, казалось, были собраны из металлолома в школьной мастерской. Полк больше напоминала манекенщицу, чем астронома – в представлении Патриции. Даже в комбинезоне ощущалась ее холодная, отстраненная красота, а выражение лица было не столько неодобрительным, сколько скептическим. Уоллес была достаточно привлекательна, но имела около двадцати фунтов лишнего веса. Казалось, ее что-то беспокоило.

Кэрролсон показала на список, висящий возле входной двери.

– В научной команде тридцать женщин и шестьдесят мужчин. Две супружеские пары, четверо помолвленных...

– Пять, – быстро добавила Патриция.

– И шесть замужних, но с мужьями на Земле. Я – одна из них. Это означает слабую надежду на успех для одиноких мужчин. Но, помолвлены вы или нет, вы становитесь законным объектом посягательств, если внесете свое имя в список. Есть одна старая поговорка, которая могла бы здесь подойти: «Не макай свое перо в официальные чернила». Поскольку здесь ничего нет, кроме официальных чернил, перо так или иначе обмакнуть придется, но злоупотреблять этим не следует. – Ленора Кэрролсон посмотрела на Дженис и Берил. – Верно, девочки?

– Рай, – бесстрастно бросила Полк, глядя в потолок широко открытыми глазами. – Лучше, чем в университете.

– Если будут какие-то проблемы, – обратилась Кэрролсон к Патриции, – немедленно скажите мне. Я здесь старшая, по крайней мере, по возрасту.

– Со мной все будет в порядке.

Она никогда не относилась к категории ветрениц, легко и быстро влюблявшихся – и, как правило, без взаимности. Впрочем, подумав о Поле, она решила, что это меньше всего должно волновать ее здесь. Хотя – она улыбнулась в темноте, – Лэньер был приятным человеком, пусть и весьма беспокойным.

Интересно, подумала Патриция, как будет выглядеть она сама, когда разберется во всем?

Она не заметила, как заснула. Ее разбудил мелодичный звонок интеркома. Рядом с кроватью одновременно с сигналом загорелся янтарный огонек. Патриция заморгала при виде голых белых стен и сразу же вспомнила, где находится. Собственно, она чувствовала себя почти как дома и лишь немного волновалась. Девушка села на кровати.

Патриция никогда не была любительницей приключений. Путешествия автостопом и поездки на природу присутствовали в ее жизни, но она никогда не питала особой склонности к активному отдыху, кроме, пожалуй катания на велосипеде. Каждые шесть-восемь месяцев она становилась заядлой велосипедисткой, ежедневно по два часа катаясь по университетскому городку. Это увлечение проходило через несколько недель, и она вновь возвращалась к сидячему образу жизни.

У нее всегда было много работы, которую следовало сделать – в уме или на бумаге. Умственной деятельностью можно было заниматься почти везде, но не взбираясь по крутым тропинкам или смертельно устав после долгого перехода.

Однако здесь...

В какой-то момент, ночью, Камень стал ее плотью и кровью. Пат было знакомо это ощущение, когда она с подобным же упорством пыталась решать математические проблемы. Ей стало весело, пульс участился, и она покраснелась, как маленькая девочка.

Когда Лэньер постучал в дверь, она уже оделась и причесалась. За спиной Гарри стояла Кэрролсон.

– Завтрак? – спросил Лэньер. В форменном голубом комбинезоне научной команды девушка выглядит более практично, подумал он.

Бледный свет плазменной трубки никогда не менялся и отбрасывал лишь слабые тени. В кафетерии, расположенном рядом с экспериментальной сельскохозяйственной станцией, завтракала смена, работавшая с 15 до 24 часов. «Ночь» для Патриции продолжалась с шести «утра» до двух «дня». Лэньер сказал, что он спит нерегулярно, а смена Кэрролсон только что закончилась.

Около двадцати членов научной команды собрались вокруг видеоэкрана в конце кафетерия. Лэньер на короткое время присоединился к ним, пока Ленора и Патриция сидели за обедом и завтраком, потом вернулся. Автомат выдавал подносы с едой; каждый сегмент был нагрет до соответствующей температуры, каждое блюдо было удивительно вкусным. Рядом с краном висела табличка со словами: «Настоящая КАМЕННАЯ вода – ощущение, которое невозможно забыть. Н-2-О со звезд!» Вода была безвкусной, но приятной.

Лэньер показал на группу у экрана.

– Футбол, – объяснил он. – Хант и Тан соорудили возле скважины микроволновый приемник. Какая-то коммерческая компания передает закодированный телерепортаж для своих подписчиков, а мы сейчас как раз в этом же секторе неба. Они декодировали сигнал.

– Разве это законно? – небрежно спросила Патриция, перекладывая кусочки завтрака на своем подносе.

– Большая удаленность имеет свои преимущества, – пояснила Ленора. – Никто никогда не придерется.

В достатке имелся свежий апельсиновый сок. Цитрусовые деревья пышно цвели в свете плазменной трубки. Кленовый сироп к блинам тоже был настоящий, но не местного производства. Лэньер заметил ее удивление.

– То, что мы не можем выращивать на Камне, с тем же успехом завозиться с Земли. Транспортные расходы весьма высоки, так что доли процента особой роли не играют – и мы убедили их, что нуждаемся в таком же усиленном питании, что и подводники и лунные поселенцы. Ешьте как следует – этот завтрак стоит две сотни долларов.

Кэрролсон дружески болтала в течение всего завтрака, рассказывая о своем муже, оставшемся на Земле – он был математиком и работал в департаменте науки и техники США. Лэньер говорил мало. Патриция, следуя его примеру, тоже молчала и наблюдала за ним краем глаза каждый раз, когда, как она думала, никто этого не замечал. Его индейские черты привлекали девушку, но из-за темных кругов под глазами он выглядел так, словно не спал несколько недель.

– ...будет, и в самом деле, вам полезно, – говорила Кэрролсон.

Патриция тупо посмотрела на нее.

– Я имею в виду плазменное свечение, – повторила Ленора. – Оно содержит все необходимое, и от него нет никакого вреда. Вы можете пролежать под ним много дней и не загореть, но зато получите дозу витамина Д.

– О! – сказала Патриция.

Кэрролсон вздохнула.

– Гарри, опять этот ваш эффект.

Лэньер выглядел озадаченным.

– Какой эффект?

– Посмотрите на девушку. – Астрофизик побарабанила пальцами по легкому металлическому столу, сооруженному из контейнера ОТМ, как и большая часть мебели в комплексе. – Будьте осторожны с ним, Патриция. Это известный разбиватель сердец.

Патриция переводила взгляд с Гарри на Ленору, открыв рот.

– Что?

– Я иду на работу – начинается моя смена, – заторопилась Кэрролсон, забирая поднос. – Просто помните, что Гарри несет за вас ответственность перед кое-кем на Земле – кое-кем весьма важным.

Она таинственно улыбнулась и направилась к посудомоечной машине.

Лэньер потягивал кофе.

– Я не уверен, что она сделала правильные выводы в отношении вас.

– Определенно нет.

– Она имеет в виду, что я отвечаю за вас перед Советником – перед Джудит Хоффман.

– Я с ней встречалась, – сказала Патриция.

– И меня нет в списке, потому что у меня здесь слишком много дел и не слишком много времени. Кроме того, нужно учитывать положение, которое я занимаю.

Лэньер допил кофе и поставил чашку.

– Думаю, когда вокруг столько умных людей, положение не играет особой роли, – промямлила Патриция и почувствовала себя крайне наивной сразу же, как только произнесла последнее слово.

Лэньер скрестил руки на столе и пристально смотрел на девушку, пока она не отвела взгляд.

– Патриция, вы молоды, и это может показаться вам очень романтичным, но дело обстоит крайне серьезно. Мы работаем в соответствии с соглашениями, на выработку которых потребовались годы – не уверен, что они и сейчас окончательны. Мы – это научная команда, состоящая из ученых, инженеров и службы безопасности, и какую бы информацию мы ни обнаружили, она вовсе не обязательно должна стать доступной для каждого жителя земного шара, по крайней мере, на какое-то время. Поскольку вы имеете доступ практически ко всему, ваша ответственность особенно высока – столь же высока, как и моя. Пожалуйста, не тратьте свое время на... В общем, предлагаю вам остаться вне списка. В другое время, в другом месте – да, романтика и приключения. Но не на Камне.

Патриция сидела неподвижно, положив руки на колени.

– Я вовсе не собиралась туда записываться, – сказала она. Ее никто не вызывал на ковер, но все же она была подавлена.

– Хорошо. Давайте получим ваш зеленый значок и прогуляемся по долине.

Они сложили подносы в утилизатор и вышли из кафетерия. Лэньер шагал в нескольких шагах впереди, уставившись в землю, пока они не подошли к небольшому зданию на северной стороне комплекса. Коренастая широкоплечая женщина в черном комбинезоне с зеленым поясом и красными сержантскими нашивками на рукаве открыла им дверь и села за стол, сделанный все из тех же металлических переборок, чтобы заполнить бланки. Закончив, она открыла запертый ящик и достала зеленую пластинку с контуром Камня в углу, обведенным серебряным кругом.

– Здесь заключена наша безопасность, мисс Васкес, – объяснила она. – Надеюсь, вы знаете правила. Зеленый значок – это большая ответственность.

Патриция взяла несмываемый карандаш и поставила на значке свою подпись, затем приложила пальцы к идентификационной пластине, чтобы занести их отпечатки в компьютер системы безопасности. Женщина приколотла значок к ее нагрудному карману.

– Рада, что вы среди нас. Я – Дорин Каннингэм, начальник службы безопасности научного комплекса первой камеры. Если возникнут какие-то вопросы или проблемы, заходите.

– Спасибо, – сказала Патриция.

Лэньер вышел из помещения охраны и поднялся по ступенькам на вал.

– Если захотите поупражняться, по всему периметру комплекса проходит беговая дорожка, а ее продолжение ведет ко второму комплексу. Недалеко отсюда есть гимнастические снаряды. Рекомендую усердно тренироваться, как только представится возможность. Уменьшенная сила тяжести не слишком полезна для нас. Если бы я не упражнялся, мои мышцы стали бы слишком слабыми. Кроме того, тренировки помогут быстрее приспособиться к пониженному давлению.

– Думаю, низкая сила тяжести – это даже приятно, – сказала она, когда они подошли к большому сборному барaku из пластиковых листов. – Как будто плывешь.

Внутри барака стояли две машины, напоминающие большие вездеходы – но не на гусеницах, а на шести колесах с резиновыми шинами и металлическими спицами. Патриция наклонилась, заглянув под машину, затем выпрямилась.

– Очень массивные, – заметила она.

– Наши грузовики. Ими легко управлять – вы быстро научитесь. Но сегодня мы просто немного прокатимся. Смотрите побольше по сторонам.

Лэньер открыл дверцу и помог девушке усесться. Помедлив, он сказал:

– Извините, что я сразу на вас так накинулся. Я уверен, вы понимаете, как вы важны для нас, и...

– Я не понимаю, – возразила Патриция. – Я понятия не имею, чем могу быть полезна. – Лэньер кивнул и улыбнулся. – Но, так или иначе, вы правы. Если я такая важная персона, придется трудиться без отдыха.

– Похоже, принципы Камня становятся для вас естественными, – заметил Лэньер. Он взобрался на сиденье водителя и, достав из кармана электронный блокнот, протянул его Патриции. – Совсем забыл. Вероятно, это вам понадобится.

Он включил электродвигатель и вывел грузовик из гаража.

– Сейчас мы поедем во вторую камеру – в первый город, – проведем там несколько часов, а потом сядем на «Тридцатый век лимитед».

– Один из поездов?

Грри кивнул.

– Третью камеру мы сегодня пропустим – слишком много и слишком быстро для первого раза. Это может вас утомить. Мы остановимся в комплексе безопасности четвертой камеры, чтобы отдохнуть и пообедать, а потом отправимся прямо в шестую.

Грузовик подъехал к заграждению, тянущемуся на несколько километров в обе стороны.

– Сейчас уже можно задавать вопросы?

– С чего-то надо начинать, – улыбнулся Лэньер.

– Вот это – настоящая почва? На ней можно что-то выращивать?

– Она умеренно плодородна. У нас ведется несколько сельскохозяйственных проектов, в основном, в четвертой камере. По-большой части почва состоит из углеродистого астероидного вещества с кое-какими вкраплениями.

– Гм. – Патриция повернулась, разглядывая кустарник и низкие клубы пыли позади. – Камень все еще работает – я имею в виду, он может улететь?

– Он все еще работает, – подтвердил Лэньер. – но мы не знаем, может он улететь или нет.

– Интересно... Ведь мы можем оказаться в ловушке, если он решит улететь. Тогда придется заняться сельским хозяйством, верно?

– Мы занимаемся сельским хозяйством не поэтому.

Патриция ждала, что Гарри продолжит объяснения, но он смотрел прямо вперед, при тормаживая перед воротами в заграждении.

– Двигатели очень старые. Некоторые инженеры считают, что они полностью износились, – комментировал он, наполовину слушая девушку и наполовину – следуя ходу своих собственных мыслей. Он достал из кармана электронный ключ, набрал код и открыл ворота. – Принцип работы двигателей пока непонятен. Последним их действием было замедление Камня для вывода его на нынешнюю орбиту. Горючим служили куски вещества, которые роботы брали с поверхности Камня – большей частью, в глубоких поясах. Затем куски перемещались в точку, расположенную прямо над северным кратером. Сейчас он закрыт – вы скоро поймете, почему. Что происходило с ними дальше, мы не знаем; выяснить это непросто.

– Могу представить.

Грузовик проехал через ворота и пересек полосу, испещренную следами шин.

– Зачем колючая проволока? – спросила Патриция. – Вы тщательно проверяете всех прибывающих, неужели этого недостаточно? Чтобы доставить сюда заграждения, наверняка потребовались большие расходы. Вместо этого можно было бы привезти научное оборудование.

– Колючую проволоку сюда не привозили. Мы ее нашли.

– Забор из колючей проволоки?

– И фигурки, – добавил Лэньер.

– О чем вы?

– Камень построили люди, Патриция. Люди с Земли.

Она уставилась на него, потом попыталась улыбнуться.

– Построили двенадцать столетий назад. По крайней мере, возраст Камня составляет около двенадцати столетий.

– О, – протянула она. – Рассказывайте кому-нибудь другому.

– Я абсолютно серьезен.

– Не думала, что вы будете надо мной смеяться, – спокойно сказала она, выпрямляясь на сиденье.

– Я не смеюсь. Вы думаете, мы везли сюда восемь или девять километров колючей проволоки?

– Я, скорее, поверю в это, чем в то, что Карл Великий или кто-то там еще построил Камень.

– Я не сказал, что он из нашего прошлого. Прежде чем мы продолжим разговор – Патриция, пожалуйста, наберитесь терпения. Подождите, – и вы все узнаете.

Патриция кивнула, но внутри у нее все кипело. Это было нечто вроде посвящения. Взять девушку с собой на прогулку, напугать ее, окунуть с головой в какую-то загадочную историю, вытащить обратно и хорошенько посмеяться. Теперь она – настоящий камнежитель. Великолепно!

Она не терпела, когда с ней обходились подобным образом, даже когда была школьницей.

– Посмотрите на растительность, – сказал Лэньер. – Трава. Мы не привозили ее с собой.

– Выглядит, как трава, – согласилась она.

Поездка через долину заняла тридцать минут. Они подъехали к грифельно-серому куполу. Вход в двадцатиметровый туннель украшала арка из серебристого металла. К ней вела наклонная насыпь. Лэньер въехал на нее.

– Как здесь обеспечивается воздухообмен? – спросила Патриция. В тишине ей было не по себе. Лэньер включил фары.

– Под тремя средними камерами вырыты большие бассейны. Они мелкие и заполнены несколькими разновидностями ряски, водяного гиацинта и водорослей. Плюс некоторыми другими растениями, которые нам не знакомы. Самый большой бассейн – в форме бублика – окружает четвертую камеру. В куполах есть вентиляционные ходы шириной, примерно, в три километра – вы можете увидеть их в бинокль или даже невооруженным глазом, если у вас достаточно острое зрение. Собственно, Камень пронизан всякими шахтами и ходами.

Патриция кивнула, избегая его взгляда. Скоро Камень ее полностью доконает, подумал Лэньер. Возмущение – первый признак. Возмущаться и не верить намного легче, чем соглашаться. И самое осторожное знакомство с Камнем не могло этого предотвратить. Здесь каждый должен был сначала все увидеть собственными глазами. Остальное понимание приходило позже.

Через шесть минут езды по туннелю они оказались перед тяжелым заграждением из колючей проволоки, полностью перекрывавшим дорогу. Лэньер открыл своим ключом еще одни ворота, и они оказались во второй камере.

Насыпь, ведущая из туннеля, была укреплена с каждой стороны кирпичными стенами, между которыми было натянуто еще одно проволочное заграждение. Возле ворот стояла будка охраны. Три морских пехотинца в черных комбинезонах вытянулись по стойке смирно, когда грузовик подъехал к ним, шурша шинами по каменной насыпи. Лэньер остановил машину, выключил двигатель и соскочил на землю. Патриция осталась на месте, глядя на открывающуюся перед ней панораму.

За насыпью на два километра в глубину простиралась широкая долина, местами усеянная деревьями и многочисленными плоскими белыми каменными сооружениями, напоминающими высокие фундаменты. За долиной виднелось узкое озеро или река шириной около километра, простиравшаяся на запад и на восток и окружавшая камеру. Водную гладь пересекал подвесной мост с высокими стройными округлыми башенками, установленный между массивными каменными устоями.

За мостом раскинулся город.

Это мог бы быть Лос-Анджелес в очень ясный день или любой другой современный земной город, если брать в расчет его сюрреалистические размеры. Он был огромен, более претенциозен и упорядочен, более зрел архитектурно. И по всему городу, словно толкатели для игры во флиппер, были разбросаны самые грандиозные сооружения, какие ей только довелось видеть в своей жизни. Четырехкилометровой высоты, они напоминали высокие канделябры, сделанные из камня, стекла и сверкающего металла. Каждая грань ближайшего сооружения-канделябра была размером с обычное здание. Сходство с канделябрами усилилось, когда Патриция взглянула вверх и увидела их устремленными к куполу. Оттуда сквозь два слоя атмосферы, с расстояния в пятьдесят километров, город казался чудесно нереальным, словно макет за пыльным стеклом в музее.

Взгляд ее бегал из стороны в сторону, голова поворачивалась и поднималась, словно она видела неспешный теннисный матч постепенно растущих игроков.

– Доброе утро, мистер Лэньер, – сказал старший офицер, подойдя, чтобы взглянуть на значок. – Новенькая?

Лэньер кивнул.

– Патриция Васкес. Неограниченный доступ.

– Да, сэр. Генерал Герхардт предупредил вчера о вашем приезде.

– Что сейчас происходит? – поинтересовался Лэньер.

– Исследовательская группа Митчелла сейчас направляется к «Мега К» на тридцатом градусе, шестом километре.

Лэньер наклонился к кабине.

– «Мега» – это большие здания, – пояснил он.

Патриция прикрыла глаза от света плазменной трубки, пытаясь более отчетливо рассмотреть противоположную сторону камеры. Она могла различить парки и маленькие озера, сеть улиц, расходящихся концентрическими кругами, и квадраты кварталов.

Она находилась от них на таком же расстоянии, как Лонг-Бич от Лос-Анджелеса. Несмотря на размеры, город был явно построен людьми.

Лэньер поднялся на ступеньку кабины и спросил, не хочет ли она размять ноги, прежде чем они поедут дальше.

– Как вы называете этот город? – спросила Патриция.

– Александрия.

– Это вы его так назвали?

Лэньер покачал головой.

– Нет.

– Мы доберемся сегодня до седьмой камеры? – спросила она.

– Если вы в состоянии.

– Как долго мы здесь задержимся?

– Самое большее, на несколько часов. Я хочу, чтобы вы заглянули в библиотеку, прежде чем отправиться дальше.

– В библиотеку?

– Именно, – ответил Лэньер. – Это одна из местных достопримечательностей.

Патриция откинулась на спинку сиденья, широко открыв глаза.

– В городе никого нет?

– Большинство из нас считает, что нет. Поступают отдельные сообщения о том, что, якобы, кого-то видели, но я полагаю, это все от нервов. Группа безопасности называет их буд-жумами. Призраками. Нам ни разу не удалось увидеть живого камнежителя.

– А мертвых вы находили?

– Достаточное количество. В этой и в четвертой камерах есть мавзолеи. Главное кладбище Александрии находится на двадцать шестом градусе, десятом километре. Вам понятна эта система координат?

– Думаю, да, – кивнула Патриция. – Угловое расстояние по кругу, затем удаленность от купола. Но где нулевой угол, и от какого купола ведется отсчет?

– Этот мост – нулевая отметка, а расстояние измеряется от южного купола.

– Значит, это не шутка? Камень построили люди?

– Именно так, – подтвердил Лэньер.

– И куда же они девались?

Лэньер улыбнулся и погрозил ей пальцем.

– Знаю, – вздохнула Патриция. – Подождите и увидите сами. – Она спустилась с грузовика и потянулась, потом потерла глаза. – Впечатляет.

– Когда я впервые увидел Александрию, мне показалось, что я дома, – сообщил Лэньер. – Я вырос в Нью-Йорке, переехал в Лос-Анджелес, когда мне было пятнадцать – практически всю жизнь я провел в больших городах. Но, тем не менее, этот произвел на меня громадное впечатление. Здесь можно поселить двадцать миллионов человек, и им все же не будет тесно.

– Именно поэтому Камень имеет значение – как недвижимость?

– Нет, мы не собираемся продавать здесь участки. У нас пятнадцать археологов, и они готовы убить любого, кто только попробует высказать подобное предположение. Каждые несколько дней они проводят совещания – я уверен, вскоре вы попадете туда. Они работают круглые сутки, и так повелось с тех пор, как мы доставили их сюда три года назад. Они не позволяют нам притрагиваться к чему бы то ни было, за исключением тех случаев, когда кому-то из руководителей группы безопасности или мне самому удастся их уломать. Но даже тогда приходится чертовски долго извиняться.

Патриция кивнула трем охранникам, которые радушно приветствовали ее в ответ; один из них коснулся рукой козырька фуражки. В помещении охраны загудело и затрещало радио. Старший офицер ответил. Патриция не могла разобрать сообщение, произнесенное гортанным голосом, но охранник ответил на языке, похожем на русский.

– Я могла бы поклясться, что все они – типичные американцы, – сказала она.

– Так оно и есть. Русские работают с Хуа Линем в скважине южного купола.
– Морские пехотинцы говорят по-русски?
– Этот, очевидно, да. И еще на трех или четырех языках. Отборные кадры.
– Есть здесь кто-нибудь не столь умный?
– Такого мы себе позволить не можем. Каждому приходится работать за двоих и за троих. – Лэньер снова уселся на место водителя. – Когда будете готовы, мы переедем через мост и покатаем в библиотеку.

– В любое время, – сказала Патриция, садясь на свое место.

Лэньер нажал на рычаг, и ворота широко распахнулись перед ними, затем снова захлопнулись.

Они пересекли четырехпролетный мост, шурша шинами по асфальту. Патриция достала из кармана брюк электронный блокнот и, пользуясь десятиклавишной стенографической клавиатурой, напечатала:

«Прекрасная погода – или, скорее, ее отсутствие. Небо почти ясное. Перспектива, и в самом деле, удивительная. Вблизи поверхность земли кажется плоской, затем почти у горизонта (если смотреть на север) начинает искривляться, причем кривая становится чем дальше, тем круче. Над головой сквозь легкую дымку видно множество деталей».

Патриция просмотрела запись в поисках опечаток. Она научилась работать со стенографическим блокнотом в школе, но это было много лет назад, и она предпочитала писать от руки. Однако на Камне бумага явно была слишком дорогим удовольствием для того, чтобы неумеренно ее расходовать.

Она продолжила печатать, пока они ехали по широкой аллее.

«Улицы – около пятидесяти метров в ширину, посередине разделены тем, что когда-то было травой, и деревьями. Две полосы с каждой стороны. Ни одно из растений не выглядит здоровым. Система орошения разрушается – или вообще не действует? Окна витрин почти все разбиты. Вестибули деловых контор и агентств – открыты. В одной из витрин – человекоподобный манекен. С длинной шеей. Целый, но голый».

Она заметила вывеску над тем, что когда-то было ювелирным магазином: «Кезар». Латинский алфавит, а на вывеске рядом увидела то же имя, написанное кириллицей. На некоторых магазинах были иероглифы – китайские и японские. На других вывесках виднелись лаосский и модифицированный вьетнамский алфавиты.

– Господи, – выдохнула Пат. – Я словно опять в Лос-Анджелесе.

В магазинах, вывесках, даже в некоторых витринах было что-то своеобразное. Патриция прищурилась, стараясь понять отличие.

– Подождите, – попросила она. Лэньер сбавил скорость. – Все это, видимо, сделано под старину, верно? Я имею в виду, как у нас дома в торговых районах, построенных так, чтобы мы думали, что находимся в Старой Англии. В старинном стиле.

– Столь же удачное наблюдение, как и многие другие, которые я слышал. – Лэньер пожал плечами. – Я никогда не обращал особого внимания на этот район.

– Гарри, я в полном замешательстве. Если Камень был построен тысячу лет назад, как объяснить все это?

Лэньер описал плавную кривую и остановил машину посреди улицы. Он показал на большое здание из темно-коричневого камня на северной стороне лужайки.

– Это библиотека – одна из двух, которые мы сейчас исследуем. Все остальные закрыты.

Патриция прикусила нижнюю губу.

– Следует ли мне волноваться? – поинтересовалась она.

– Вероятно. Я бы волновался.

– Мне кажется... У меня такое чувство, будто... – Она покачала головой. – Зачем мне идти туда? Я математик, а не инженер и не историк.

– Поверьте мне, никто не ходит в библиотеку из прихоти. У вас уникальная квалификация. Вы работаете в области, не имевшей никакой практической ценности – до настоящего момента.

– Я перестаю спрашивать, – вздохнула Патриция. – Я даже не знаю, какие вопросы надо задавать.

Вокруг здания были установлены электронные датчики и камеры, а ограждение из колючей проволоки усиливало впечатление от них. У входа стояло четверо охранников весьма крутого вида с «эплами» – лазерными ружьями – в руках. Когда Лэньер и Васкес подошли ближе, послышался усиленный громкоговорителем голос:

– Мистер Лэньер, остановитесь и позвольте вас проверить. Кто с вами?

– Патриция Васкес, член научной группы. По рекомендательному письму от генерала Герхардта.

– Да, сэр. Подойдите и предъявите значок.

Они вышли из машины и подошли к воротам.

– Мы привезли ограждения и датчики два года назад с Земли, – сообщил Лэньер Патриции, – когда начали понимать, что там находится.

Они предъявили свои значки и положили руки на пластинку, которую держала женщина в черном и сером. После проверки они вошли в здание.

Окна первого этажа здесь тоже были разбиты. Не было видно никаких указателей или планов, но явно ощущался дух библиотеки – хотя обстановка и казалась странно искусственной. Внутри было темно и пусто.

– Внешняя охрана не имеет права входить в библиотеку – только специальные представители службы безопасности, в черно-серой форме. Внутри постоянно дежурит один человек с видеомонитором – его голос мы слышали.

– Весьма непросто, – заметила Патриция.

– Это необходимо.

Вспыхнула люминесцентная трубка, висящая под потолком на решетчатых направляющих. Следом за ней загорелись другие, прокладывая светящуюся дорожку по первому этажу и лестнице, расположенной ближе к центру.

– У нас установлены переносные генераторы в четырех местах Александрии, – сказал Лэньер, когда они шли к лестнице. Пол был голым и пыльным, и на нем отчетливо виднелись несколько хорошо расчищенных дорожек. – Большая часть энергосети города не функционирует. Мы пока не обнаружили источники энергии, и, вероятно, специальных энергостанций нет. По-видимому, сам Камень обладает запасом энергии, сконцентрированной в сверхохлажденных батареях.

Патриция наморщила лоб.

– Батареях?

– Типа стометровых ячеек в Аризоне и в Большой Африканской Оранжее.

– О!

Она не слишком разбиралась в практической физике, но не хотела, чтобы Лэньер об этом знал.

– С другой стороны, электрическая сеть здесь самая обычная. Каналы управления и информации – оптические, примерно такие же, как и на Земле. В зданиях темно, потому что большая часть предохранителей – или того, что выполняло их функции – оказалась отключена, и никто не собирается вновь их включать, пока мы не выясним, насколько велика опасность возникновения пожара.

– Почему разбиты окна? – спросила Патриция, пока они поднимались.

– Стекло со временем становится хрупким и трескается под влиянием изменений атмосферного давления.

– Ветер?

– Что-то в этом роде. В камерах есть области высокого и низкого давления, бывают даже бури. Кое-где идет снег, хотя и не часто. Большая часть всего этого выглядит управляемой, но мы не знаем, где находится пульт.

В полутемных залах за пределами световой полосы на втором этаже она увидела металлические цилиндры в рост человека, расставленные рядами, уходящими в темноту.

– Мы извлекаем данные из этих банков памяти уже год, – сказал Лэньер. – Языки программирования были нам не знакомы, так что для получения копий и осмысленных изображений, потребовалось около шести месяцев. Как выяснилось, библиотека в следующей камере даже больше, и сейчас наше внимание сконцентрировано на ней. Но... я все же предпочитаю эту. На четвертом этаже есть обширный отдел печатных изданий. Именно там я занимался своими первыми исследованиями, и там вы будете заниматься некоторыми из ваших.

– Я чувствую себя, словно на «Марии Целесте».

– Подобное сравнение уже делалось, – заметил Гарри. – Так или иначе, здесь, как, впрочем, и везде, действует правило: не трогай ничего, что не сможешь поставить обратно точно так же, как и раньше. Археологи сейчас заканчивают крупномасштабные исследования и все еще весьма раздражительны. Нам приходится то и дело нарушать правила – чтобы отремонтировать необходимое оборудование, пообщаться с компьютерами, – но излишнее вмешательство не допускается. Если Камень – это «Мария Целеста», мы не можем позволить себе не выяснить, почему это так.

На четвертом этаже они вошли в зал, заполненный кабинами, в каждой из которых находились аппарат для чтения и плоская серая панель, установленная на маленьком столике. Стояла там и недавно привезенная тензорная лампа, подключенная к источнику питания. Лэньер пододвинул Патриции стул. Она села.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

Он пересек зал и вышел, оставив Патрицию одну. Она потрогала аппарат на столе. Для чего он? Для видеокассет, микрофильмов? Трудно сказать. Экран был плоским и черным, толщиной не более четверти дюйма.

В стуле присутствовало нечто странное: посреди сиденья крепился небольшой цилиндр, доставляя некоторое неудобство. Возможно, раньше цилиндр закрывала обивка или стул сам создавал обивку, когда его включали.

Патриция нервно поглядывала на ряды пустых кабин, пытаясь представить тех, кто когда-то пользовался ими, и очень обрадовалась, когда Лэньер вернулся. Руки ее дрожали.

– Как в доме с привидениями, – слабо улыбнулась она.

Гарри протянул ей маленькую книжку в молочно-белом пластиковом переплете. Она перелистала страницы. Бумага – тонкая и плотная, язык – английский, хотя графика необычна – слишком много выступающих черточек. Патриция открыла титульный лист.

– Том Сойер, – прочитала она. – Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, Марк Твен. Выпущена в 2110 году.

Она закрыла книгу и положила ее на стол, судорожно сглотнув.

– Ну? – мягко спросил Лэньер.

Патриция хмуро взглянула на него, потом, видимо, начав что-то понимать, открыла рот, но тут же его закрыла.

– Вы удивлялись, почему я выгляжу таким усталым, – сказал Лэньер.

– Да.

– Теперь понимаете?

– Из-за этой... библиотеки?

– Отчасти.

– Она из будущего. Камень – из нашего будущего.

– Мы в этом не уверены.

– Именно поэтому я здесь... Чтобы помочь вам понять, как такое может быть?

– Есть и другие загадки, столь же таинственные, и, возможно, все они взаимосвязаны.

Она снова открыла книгу.

– Опубликовано Главным издательством Большой Джорджии, в сотрудничестве с Тихоокеанским отделением Харперс.

Лэньер наклонился и взял книгу из ее рук.

– Пока достаточно. Мы уходим. Вы можете немного отдохнуть, или, если хотите, мы проведем несколько часов на базе службы безопасности.

– Нет, – сказала Патриция. – Я хочу дальше.

Она на несколько секунд закрыла глаза, пока Лэньер ставил книгу на место. Потом он вернулся и пошел впереди нее на первый этаж.

– Вход в подземку в двух кварталах отсюда, – сообщил он. – Мы можем добраться пешком. Прогулка прочищает мозги.

Она последовала за ним через парк, глядя на здания и вывески на разнообразных земных языках, зная, что уже пересекла ту линию, за которой все кажется уже вполне обычным.

Они вошли под арку в форме полумесяца и спустились на станцию подземки.

– Вы предположили, что Камень – не из будущего, – заметила Патриция.

– Не из нашего будущего, – поправил Лэньер. – Он, возможно, не из нашей Вселенной.

Ее бросило в жар. Она быстро заморгала, не зная, плакать или смеяться.

– Черт побери.

– Такое же чувство было и у меня.

Они стояли на широкой платформе возле стены, которую украшали беспорядочно разбросанные по ней большие плоские розовые кристаллы. Под потолком висели указатели с полустершимися надписями: «Нексус-Центр, линия 5», «К Александрии», «Сан-Хуан Ортега, линия 6, 20 минут». Рядом с указателями помещались черные плоские экраны, все пустые.

Патриция ощутила легкую дрожь и головокружение. Действительно ли она там, где находится, или это лишь сон, вызванный переутомлением?

– Вы начинаете «каменеть», – подсказал Лэньер. – Следите за собой.

– Я слежу. Да. Слежу за тем, как «каменею».

– Обычно следующий этап – депрессия. Дезориентация, фантазии, депрессия. Через все это мне пришлось пройти.

– О? – Патриция посмотрела вниз, на белые плитки под ногами.

– Через пять-десять минут должен быть поезд, – сообщил Лэньер. Он сунул руки в карманы и тоже уставился в пол.

– Со мной все в порядке, – сказала Патриция, не веря сама себе. Но, с другой стороны, она значительно хуже чувствовала себя перед экзаменами, чем сейчас. Она продержится. Должна продержаться. – Мне просто интересно, есть ли другие способы для посвящения новичков. Этот кажется мне весьма надуманным.

– Мы пробовали и другие.

– Не сработало?

– Не лучше, иногда хуже.

Из туннеля повеяло ветерком. Патриция заглянула за край платформы, чтобы разобраться, каким образом ездят вагоны подземки. Путь был гладким, без рельсов или чего-то подобного.

Из туннеля вынырнула гигантская металлическая тысяченожка с носом без окон. Поезд резко остановился, с мягким шипением открылись двери. В головном вагоне стоял морской пехотинец с пистолетом в кобуре и с лазерным ружьем в руках.

– Мистер Лэньер! – ловко отсалютовал он.

– Чарли, это Патриция Васкес, еще один зеленый значок. Патриция, это капрал Чарльз Вурц. Вы, вероятно, еще не раз встретитесь. Чарли – наш главный человек на нулевой транспортной линии.

– Гоняю буджумов, чтобы не катались бесплатно, – сообщил Чарли, улыбаясь и пожимая Патриции руку.

Лэньер знаком пригласил ее войти первой. В общих чертах внутренность вагона выглядела так, как и должен выглядеть любой новый скоростной поезд. Пластиковые сиденья и металлические крепления были в хорошем состоянии. Вагоны явно не были рассчитаны на большое число пассажиров: не было никаких ременных петель или поручней для стоящих, а сиденья стояли свободно, с большим пространством для ног между ними. И никакой рекламы. Собственно, внутри вагона вообще не было никаких надписей.

– словно старое метро в Сан-Франциско, – вздохнула Патриция. Она не ездила на метро уже много лет.

Пассажиры откинулись на спинки сидений. Движение никак не ощущалось, пока она не взглянула на большие круглые окна, расположенные на неравных расстояниях по бокам. Мимо пронеслись расплывчатые очертания станции. Затем наступила темнота, нарушаемая вспышками вертикальных полос.

– Это вовсе не похоже на будущее, – сказала она. – Здесь все знакомо. Я всегда думала, что будущее должно быть другим, что его нельзя будет узнать. Особенно будущее, отстоящее на тысячу лет. Но здесь – здания, подземка... А почему бы здесь не быть гиперпространственным передатчиком?

– Александрия и система подземных дорог намного старше, чем другие части Камня. Когда вы освоитесь и увидите подробности, то заметите большие различия между нашей техникой и этой. Кроме того... – Лэньер сделал паузу. – Нужно принимать во внимание историю. Задержки. Помехи. Пережитки прошлого.

– О которых я достаточно скоро узнаю?

– Верно. – Вы чувствуете сейчас какое-нибудь движение? Ускорение?

Патриция нахмурилась.

– Нет. Ну, может быть, мы медленно тронулись с места...

– Поезд движется с ускорением четыре «же».

– Подождите. – Она повернулась к окну и посмотрела на проносящиеся мимо световые полосы, потом нахмурилась. – Александрия... Я хочу сказать, она неправильно спроектирована.

Лэньер терпеливо смотрел на девушку. О ее выдающемся уме было известно, но во многих отношениях она была слишком молода. Она усиленно пыталась внешне сохранять спокойствие, словно школьница.

– Камень должен ускоряться и замедляться, верно? Так же, как и этот поезд. Но я не чувствую никакого движения, и... в камерах должна быть наклонная поверхность, чтобы компенсировать боковое давление, прилив воды в озерах и прудах. Более высокие стены с одной стороны. Защита от ускорения. Наклонные дороги для компенсации...

– В камерах ничего для этой цели не предусмотрено, – ответил Лэньер.

– Значит, они ускоряются медленно?

Он покачал головой.

– Но какой-то способ компенсации есть?

– Шестая камера, – произнес Гарри. – Но это тоже лишь часть общей картины.

– Вы заставляете меня разбираться во всем самостоятельно.

– По мере возможности.

– Вы словно проверяете меня.

– Нет, – подчеркнул Лэньер. – Советник сказала, что вы можете нам помочь, и я в этом не сомневаюсь. Но если бы это была проверка, вы бы успешно с ней справились.

У него, однако, были некоторые сомнения на этот счет.

Стены туннеля остались позади, и поезд вырвался на свет. Они мчались над водой со скоростью, самое меньшее, двести километров в час.

– Внизу, под вагонами, находятся три рельса; движение поезда основано на принципе магнитной индукции, – объяснил Лэньер.

– О!

Патриция перевела взгляд на море, волнующуюся голубовато-серую поверхность, простиравшуюся на север и скрывающуюся в полосе тумана возле стены. Над водой виднелся полукруг камеры, а на северо-запад и северо-восток тянулись края туманной полосы и береговая линия.

Примерно в семи километрах от поезда красовалась шестиугольная вершина башни, нижняя часть которой скрывалась в белом тумане; в ней было около пятидесяти метров в высоту и вдвое меньше в ширину. Другая башня, до которой было не более километра, виднелась полностью и стояла на стройном круглом пилоне.

Туман рванулся им навстречу, и внезапно они оказались над землей. Внизу проносился густой еловый лес, казавшийся вполне нормальным – разве что слегка голубоватым – в свете плазменной трубки.

– Четвертая камера была базой отдыха, насколько мы поняли, – сказал Лэньер. – И, конечно, имеется водохранилище и система очистки воздуха. Здесь четыре отдельных острова, и на каждом – своя природная зона. А в водной среде – коралловые сады, пруды со свежей водой и речные системы. Курорт, заповедник дикой природы, рыбное хозяйство – все пришло в перытное состояние, слегка одичало, но процветает.

Поезд замедлил ход и с легким шипением остановился у платформы. Два человека в черных комбинезонах подбежали к вагонам. Лэньер, а следом за ним и Патриция направились к дверям. Они открылись столь же тихо, как и прежде.

Лес, вода, трава – смесь чудесных запахов.

– Пока, Чарли, – попрощался Лэньер.

Чарли ловко отдал честь и вытянулся по стойке смирно в дверном проеме позади них.

Охранник на платформе подошел к гостям, чтобы взглянуть на значок Патриции.

– Добро пожаловать в летний лагерь, мисс Васкес, – сказал он.

Она заглянула за ограждение платформы, находящейся в шести метрах над землей. Платформу окружал комплекс сооружений, почти такой же, что и в первой камере – с щитовыми домиками и земляными валами, но теплица – сельскохозяйственная лаборатория – была значительно больше.

Все в комплексе были одеты в черное, в сочетания черного и хаки, черного и зеленого, черного и серого.

– Служба безопасности? – поинтересовалась Патриция.

Спускаясь с платформы, Лэньер кивнул.

– Наша научная группа невелика, и мы позволяем сотрудникам проводить здесь отпуск или свободное время, когда оно появляется, что бывает нечасто. Эта камера имеет стратегическое значение: она отделяет относительно жилые части Камня от служебных.

– Системы двигателей?

– Да, и седьмой камеры. Так или иначе, у вас есть возможность размять ноги и переварить то, что вы успели увидеть.

– Сомневаюсь, что мне это удастся, – сказала Патриция.

Лэньер повел ее в кафетерий, который мало чем отличался от того, что был в первой камере. Они сели за столик вместе с английским и немецким офицерами. Лэньер представил ее немцу – полковнику Хайнриху Беренсону.

– Через неделю он возглавит силы безопасности седьмой камеры. Вы какое-то время будете работать вместе.

Беренсон, полковник западногерманских ВВС, с песочного цвета волосами и веснушчатым лицом, одного роста с Лэньером, но более мускулистый, больше походил на ирландца, чем на немца. С его не слишком немецкой фамилией и утонченными манерами, он показался Патриции истинно интернациональным. Его манера поведения была дружеской, но слегка холодной.

Она заказала салат – свежую зелень из теплицы – и посмотрела на мужчин и женщин вокруг. Зеленые значки были не у всех.

– Как устроена система значков? – спросила она Лэньера.

Беренсон улыбнулся и покачал головой, словно это было больным местом.

– Красные значки предоставляют право доступа только в скважину первой камеры, – пояснил Лэньер, – и предназначены в основном, для технического персонала. Голубые позволяют передвигаться по Камню везде, за исключением шестой и седьмой камер. Но везде, кроме первой, только с сопровождающим и только для выполнения служебных обязанностей. Зеленые значки открывают доступ в любую камеру, но под постоянным контролем службы безопасности.

– Я здесь уже больше трех лет, – заявил Беренсон, – а получил зеленый значок лишь три месяца назад. – Он бросил взгляд на значок Патриции и понимающе кивнул. – К счастью, я нашел лазейку: можно считать, сопровождаю сам себя.

Лэньер улыбнулся.

– Поблагодарим Бога за то, что все пока идет столь гладко.

– Аминь, – поддержал его полковник. – Не хотел бы я столкнуться с настоящими неприятностями.

– Для зеленых значков существует три уровня допуска. Первый – самый низкий – без права доступа в определенные закрытые зоны. Второй уровень дает право ограниченного доступа туда для выполнения служебных обязанностей – специальная служба охраны имеет зеленые значки второго уровня. Третий уровень – это тот, что у нас.

– У меня второй уровень, – сообщил Беренсон.

Когда они вернулись к поезду, Патриция спросила:

– Раз у него второй уровень, он не сможет в точности узнать, что из себя представляет Камень?

– Когда попадаешь в седьмую камеру, волей-неволей узнаешь многое.

– Но не то, что в библиотеках?

– Нет, – сказал Лэньер.

Это ее отрезвило. У Беренсона был угрюмый вид, и он даже не знал о библиотеках.

Четверо солдат в скафандрах бежали длинными грациозными прыжками по лунной поверхности; лишь звезды и серп Земли освещали их путь. Мирский наблюдал за ними с вершины валуна – виднелся был лишь его белый шлем. В правой руке он держал электрический фонарь, направленный назад, в сторону его товарищей по команде, ожидающих в ложине, проложенной упавшей скалой миллионы лет назад. Когда четверка оказалась в нужном месте, он три раза мигнул фонарем.

Цель – имитация лунного бункера – находилась в ста метрах от валуна. Четверо защитников теперь были у воздушного шлюза. Мирский поднял свой АКВ-297 – автомат Калашникова, приспособленный для стрельбы в вакууме – и направил его на люк шлюза.

Люк открылся, и Мирский слегка приподнял оружие, целясь в мишень возле сигнальных огней. Пальцем в перчатке он нажал на расположенный сбоку спусковой крючок и почувствовал, как оружие трижды дернулось. В темноте на короткое время вспыхнул тонкий след выстрела. Пластиковая мишень разлетелась на куски.

Мирский услышал, как руководитель учений называет номера четверых солдат в скафандрах и приказывает им лечь.

– Ваш шлюз выведен из строя, – лаконично добавил руководитель. – Отличная работа, подполковник... Можете продолжать.

Мирский и три его товарища направились к макету. Защитники лежали на лунном грунте возле открытого люка неподвижные, если не считать скачущих цифр на дисплеях систем жизнеобеспечения в их ранцах. Мирский наклонился и подмигнул одному из них через стекло шлема. Тот посмотрел на него без тени удивления.

– Посмотрите назад, товарищ подполковник, – сказал один из его людей. Мирский обернулся и посмотрел туда, куда указывал вытянутый палец ефрейтора.

Картошка – яркая светящаяся точка продолговатой формы – только что появилась над лунным горизонтом.

Казалось, всю его жизнь все только и делали, что показывали на нее – первой была Ефремова, три года назад.

– Да, вижу, – согласился Мирский.

– Вот для чего мы тренируемся, да, товарищ подполковник?

Мирский не ответил. Вмешался руководитель учений и потребовал прекратить бесполезную болтовню.

– У звезд есть уши, ефрейтор, – заметил Мирский. – Давайте выполним нашу задачу и постараемся вовремя попасть на политзанятия.

Ефрейтор встретился с Мирским взглядом и скривился, но ничего не сказал.

Четыре часа спустя в бункере руководитель учений прошел по проходу между койками команды победителей, пожимая всем руки, тепло их поздравляя, а затем протягивая письма из дома. Письма получили все, хотя бы от секретаря партийной ячейки из какой-нибудь далекой деревни. Наконец руководитель остановился возле койки Мирского.

– Вам только одно письмо, товарищ... полковник, – сказал он, протягивая Мирскому толстый тщательно запечатанный и заклеенный конверт. Мирский взял конверт и уставился на него, потом на командира.

– Откройте.

Он осторожно оторвал край конверта и вытащил пять сложенных листов бумаги.

– Повышение, – сообщил он, не желая демонстрировать эмоции.

– И ваше назначение, товарищ полковник, – добавил руководитель. – Друзья, хотите знать, куда отправляется наш новоиспеченный полковник Павел Мирский?

– Куда? – раздался голоса.

– Обрато на Землю, – сказал Мирский.

– Обрато на Землю! – повторил руководитель. – Это, кажется... ваши четвертые учения на Луне за два года? А теперь – обрато на Землю.

Все, улыбаясь, смотрели на полковника.

– На Индийский океан, – продолжал он. – На заключительные учения, в качестве командира батальона.

– На Индийский океан! – воскликнул руководитель, показывая пальцем на пол для символического обозначения пути на Землю, а потом, подняв обе руки, посмотрел вверх и кивнул в сторону потолка.

Раздались одобрителльные аплодисменты.

– Теперь звезды, к которым вы всегда так стремились, полковник, станут вашими, – закончил командир, крепко пожимая ему руку.

Глава 4

За окнами поезда быстро проносились четвертая камера – холмистая местность, маленькие озера и скалы, напоминающие гранитные.

– Путь заканчивается в шестой камере. Нас встретит Джозеф Римская и несколько человек из китайской группы.

– Римская? У нас в университете был преподаватель с такой фамилией.

– Вы оказались здесь именно благодаря Римская. Он вас рекомендовал.

– Но он ушел из университета в бюро математики и статистики.

– И там познакомился с Советником, когда работал в Вашингтоне, – добавил Лэньер.

Римская в свое время вел спецсеминар по математике. Он не очень нравился Патриции – высокий угловатый человек с жесткой рыжей бородой, шумный и напористый, профессор социологии и специалист по статистике и теории информации. Будучи строгим математиком, но не обладая, по ее мнению, необходимой интуицией для действительно ценных исследований, Римская всегда казался ей идеальным преподавателем: холодным, требовательным, лишенным воображения.

– Что он здесь делает?

– Советник считает, что он может быть полезен.

– Его специальность – статистическая теория поведения популяции. Он социолог.

– Правильно, – сказал Лэньер.

– Так что же...

В голосе Лэньера чувствовалось раздражение.

– Подумайте, Патриция, куда девались камнежилатели? Почему они ушли отсюда и откуда взялись здесь?

– Не знаю, – спокойно ответила она.

– И мы не знаем. Еще не знаем. Римская – руководитель группы социологов. Может быть, они смогут ответить на этот вопрос.

– Интересно, сколько же это займет у них времени?

– Я жду, подождите и вы.

Патриция помолчала.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вас не слишком раздражали мои вопросы.

Лэньер поднял брови и кивнул.

– Пожалуйста, не принимайте это на свой счет.

«Он постоянно в напряжении, – подумала она. – Что ж, я тоже. Только у него было время, чтобы привыкнуть, если вообще можно привыкнуть к чему-либо вроде библиотеки... или самого Камня. Почти наверняка есть и многое другое...»

Она внезапно представила себе лабиринт из грифельных досок в седьмой камере, заполненный погруженными в свои мысли математиками, сообща работающими над какой-то большой проблемой. За ними с огромного видеозэкрана, словно Бог, терпеливо наблюдала Хоффман. Лэньер был ее заместителем.

– Римская – наполовину русский, – продолжал Лэньер. – Его бабушка была вдовой-эмигранткой, и ее фамилия была указана в документах на въезд в США ее сына. Он говорит на русском, как на своем родном, и порой выступает переводчиком между русскими и нами.

Шум двигателей усилился, и они нырнули внутрь северной стены четвертой камеры.

В пятой камере было темнее, чем в предыдущих. В верхних слоях атмосферы висело покрывало серых облаков, поглощая половину света плазменной трубки. Под облаками раскинулся вагнеровский пейзаж из бесплодных гор, напоминающих иззубренные глыбы антрацита, смешанного с окрашенным в темные тона гематитом. Между горами простирались глубокие

долины цвета ржавчины, изрезанные водопадами, вливающимися в серебристые реки. Ближе к середине камеры горы удивляли своей невероятной формой – арки, гигантские изрезанные кубы, пирамиды с отбитыми вершинами и ступени из ровно лежащих плит.

– Что это такое, черт возьми? – спросила Патриция.

– Мы полагаем, нечто вроде открытой горной разработки. Два наших геолога – вы уже знакомы с одним Робертом Смитом – предполагают, что когда в толще Камня выдалбливались камеры, пятая не была закончена. Ее оставили как источник сырья, и Камнежители им пользовались. Это следы их деятельности.

– Отличное место для любителей фильмов ужасов, – заметила Патриция. – Вы не видите здесь замок Дракулы?

Они молча проехали через короткий туннель в шестую камеру. Когда шум поезда затих и за окнами посветлело, Лэньер встал.

– Конец линии.

Нижний терминал был похож на пещеру, облицованную плитами из красноватой породы и серо-черного астероидного камня. Платформа была расчерчена тонкими линиями, словно когда-то на ней стояли длинные извивающиеся очереди.

– Здесь когда-то находилась рабочая станция, – пояснил Лэньер. – Модифицированная шестая камера была конечной станцией. Вероятно, шестьсот лет назад.

– Как давно опустел Камень?

– Лет пятьсот.

Они поднялись по наклонному пандусу к зданию, построенному большей частью, из толстых прозрачных панелей, дающих обзор.

Долина была усеяна гигантскими массивными формами, цилиндрами, кубами и дисками, стоящими на ребре; все это напоминало чудовищных размеров монтажную плату. Прямо от здания терминала уходил к дальней стене ряд шарообразных резервуаров. Стена была, по крайней мере, сто метров в высоту, а диаметр резервуаров – вдвое меньше. Ниже, между сферами и лежащими на боку цилиндрами, лежал глубокий канал, заполненный сверкающей водой. Вдоль него выстроились циклопических размеров насосные агрегаты. Над всем этим плавали клочья густых черных облаков, неожиданно изливавшиеся дождем или снегом. Где-то что-то постоянно пульсировало, что, скорее, ощущалось, чем слышалось – словно инфразвуковые биения движущихся гор или далеких морских глубин.

Глядя вперед и вверх, сквозь облака, Патриция видела туманный образ противоположной стороны камеры, заполненной таинственными механизмами.

– Здесь нет никаких движущихся деталей, кроме больших насосов, а их немного, – сообщил Лэньер. – Строители рассчитывали на естественный погодный цикл. Идет дождь, поглощает тепло, вода собирается по каналам в неглубокие пруды, испаряется, и системы сохранения атмосферы забирают тепловую энергию – принцип нам все еще непонятен.

– Для чего все это?

– Когда Камень только проектировался, в шестой камере должен был быть еще один город. Но строители установили, что он может создавать тяготение лишь до трех процентов «же». Незадолго до того, как Камень был оборудован – и перед завершением разработки камер, – они нашли способ, как позволить Камню ускоряться за пределами его возможностей. Метод был сложным и дорогостоящим, но это дало Камню такую подвижность, от которой проектировщики не могли отказаться. Так что шестая камера была оборудована специальной амортизирующей аппаратурой, и то, что мы видим, лишь малая ее часть. – Он кивнул на панораму за окном. – Вот почему ни в одной из камер поверхность не наклонена, и ни один пруд или река не имеет защитных барьеров. Они просто не нужны. Шестая камера может избирательно подавлять инерционные эффекты любого объекта внутри Камня. В общих чертах можно сказать, что она компенсирует эффект ускорения и замедления всего корабля. Вот почему в поезде

отсутствовали инерционные эффекты. Система является саморегулирующейся, хотя мы еще не нашли ее мозг.

Дождь ударил по прозрачной крыше и залил сорокапятиградусный склон над лестничной клеткой. Лэньер замолчал, глядя на бисеринки и ручейки воды.

– С тех пор эта аппаратура модифицировалась и увеличивалась. Когда-то она занимала около трех квадратных километров, а остальная часть шестой камеры использовалась для производства и исследований, которыми нельзя было заниматься в городах. Теперь же она обслуживает и седьмую камеру.

Четыре человека в желтых непромокаемых плащах прошли по берегу канала рядом с терминалом. Их машина стояла в нескольких метрах отсюда на приподнятом дорожном полотне.

– Наш комитет по встрече, – пояснил Лэньер.

Они поднялись на верх здания. На лестнице было холодно, и Патриция поежилась под порывом ветра. Над головой мягко шумел дождь. Сквозь ручейки воды на стекле, сквозь разрыв в облаках, она увидела противоположный – северный – купол. Все остальные купола были фактически пусты, лишены каких-либо черт. Этот же пересекал ряд параллелепипедов, расположенных на равных расстояниях, словно крутой лестничный пролет. На поверхности каждого параллелепипеда виднелись очертания эллипса. Параллелепипеды, по ее оценке, были, по крайней мере, километровой ширины, а эллипсы – вдвое меньше.

Первый из четверки, поднимающейся по лестнице, откинул капюшон. Патриция узнала своего бывшего профессора; бородатое лицо его было румяным, глаза маленькими и подозрительными, словно из-за некой давно вынашиваемой обиды. Римская был в точности таким, каким она его помнила. Он взглянул на девушку с каким-то испугом, потом кивнул Лэньеру. Позади него высокая симпатичная блондинка и двое китайцев – мужчина и женщина в зеленых шапках – сняли плащи и стряхнули воду на пол.

Римская подошел к Патриции; каждый его жест выражал отчужденность, если не отвращение.

– Мисс Васкес, – сказал он. – Надеюсь, вы справитесь. Надеюсь, мне не придется чувствовать себя дураком из-за того, что я выбрал вас.

Она открыла и закрыла рот, словно рыба, потом слишком громко рассмеялась.

– Профессор, я тоже на это надеюсь!

– Не обращайтесь на него внимания, – сказала блондинка приятным и глубоким голосом с легким британским акцентом. – В течение четырех месяцев он не говорил о вас ничего, кроме хорошего. – Она зажала свой плащ под мышкой и протянула Патриции руку. Рукопожатие было крепким и теплым. – Я Карен Фарли, это Ву Чжи Ми, а это Цзян И Син. – Цзян широко улыбнулась Патриции из-под свисавшей на глаза, по последней китайской моде, прямой черной челки. – Мы из Пекинского технического университета.

Римская все еще изучающе разглядывал Патрицию. Его серые глаза сузились.

– Вы здоровы, не страдаете боязнью пространства, эмоциональными расстройствами?

– Я прекрасно себя чувствую, профессор.

– Хорошо. Тогда вы... – он показал на Фарли, Ву и Цзян – ...вы позаботитесь о ней. Я отправляюсь в первую камеру отдохнуть. Меня не будет неделю, может быть, больше. – Он протянул руку Лэньеру, и они обменялись крепким рукопожатием. – Я страшно устал, – сказал Римская, – в немалой степени, оттого, что понятия не имею, что все это означает. Мне никогда не хватало воображения, а здесь... – Он содрогнулся. – Может быть, вам это больше подойдет, мисс Васкес.

Он коротко кивнул своим коллегам, потом взял плащ и направился к пандусу, ведущему на платформу.

Патриция в замешательстве смотрела ему вслед.

– Я ему завидую... слегка, – заметил Ву на отличном английском с калифорнийским выговором. Он был примерно одного с ней роста, в меру упитан, со стриженными ежиком волосами и детским лицом. – Я недавно прочитал некоторые ваши статьи, мисс Васкес.

– Зовите меня Патриция, пожалуйста.

– Боюсь, они вне пределов моего понимания. Цзян и я – электротехники. Карен – физик.

– Физик-теоретик. Я очень рада вас видеть, – сказала Фарли.

– Рада, – поправил Лэньер.

– Да. – Фарли улыбнулась, видя удивление Патриции. – Я тоже китайская гражданка. Большую часть времени мне удается дурачить людей. Поправляйте меня, пожалуйста, когда я ошибаюсь.

Патриция осовело переводила взгляд с одного на другого. Она еще не чувствовала себя готовой к знакомствам с новыми людьми, ей не хватало открытости и общительности.

– Мы готовы сопровождать Патрицию в седьмую камеру, – объявил Лэньер. – Но, быть может, она хочет немного отдохнуть.

– Нет. – Патриция решительно покачала головой. – Я хочу сегодня же увидеть все.

– Таковы женщины, – заметила Фарли. – Самоубийственное упрямство. Нечто, чем я восхищаюсь. То же можно сказать и о Цзян. Однако Чжи Ми – мы называем его Счастливым, – Чжи Ми ленивый парень.

– И она, и профессор Римская – надсмотрщики над рабами, – пояснила Цзян. Ее английский был, явно, менее совершенен, чем у Ву и Фарли.

Она достала два пакета с дождевыми плащами из кармана своего собственного и протянула их Лэньеру и Патриции. Они быстро оделись и покинули свое укрытие.

В воздухе чувствовался запах дождя, свежести и металла. Дождь стих до мелкой мороси, снегопад кончился. Вода по наклонным металлическим скатам под приподнятой дорогой стекала в желоба, попадая затем в водосборный бассейн. Патриция заглянула туда и увидела исчезающий в темноте водоворот.

Машина на дороге была точной копией той, на которой они пересекли первую камеру. Фарли предложила Патриции место рядом с собой, остальные уселись сзади, сдвинув в сторону ящики с научной аппаратурой. Фарли тронула машину с места и плавно набрала скорость.

Дорога расширялась в широкую ленту, извивавшуюся между резервуарами и серыми сооружениями, скрытыми в быстро распространяющемся тумане. Ву наклонился вперед.

– Эта штука выглядит, как асфальт, но это не так. Это астероидная порода, из которой удалены все металлы, раздробленная и смешанная с растительным маслом. Очень прочная, никаких трещин. Интересно, кто намерен это запатентовать?

Каким-то образом Патриция обнаружила, что однообразная картина придает ей силы. Из-за голубоватого оттенка тумана ей казалось, что она находится внутри кристалла сапфира. Дождь возобновился, и стук капель по крыше машины вместе с легким дуновением теплого воздуха из обогревателя, создавал ощущение безопасности. Казалось, что происходящее не более серьезно, чем фильм по видео.

Она быстро стряхнула с себя это ощущение. Лэньер наблюдал за ней. Патриция повернулась к нему, потом отвела взгляд. Как можно считать ее столь важной персоной? Что она, собственно, может сделать со столь монументальной тайной?

Достаточно масштабов окружающего, чтобы парализовать любую мысль. Глядя сквозь разрывы в облаках на противоположную сторону, она могла с тем же успехом смотреть в иллюминатор шаттла, входящего в атмосферу.

Машина проехала по плавно изгибающейся автостраде и за двадцать минут пересекла шестую камеру. Впереди появились знакомая арка и вход в туннель. Фарли включила фары, и туннель поглотил их.

После штормовой шестой камеры их встретил чистый, ничем не замутненный яркий свет плазменной трубки.

– Еще немного, и послышится пение птиц, – заметила Патриция.

– Хотелось бы, – поддержала ее Фарли.

Они съехали по пандусу. Впереди тянулась прямая, как стрела, дорога, примерно вдвое уже, чем шоссе шестой камеры, с покрытием из того же материала. По обеим сторонам ее на протяжении нескольких километров высились песчаные холмы, покрытые жесткой желтой травой. Невдалеке виднелась рощица невысоких корявых деревьев. На западе, выше по искривляющейся поверхности камеры, Патриция увидела маленькие озера и нечто вроде реки, вытекающей из одного из туннелей купола. Там же плавало несколько кудрявых облаков. Пейзаж был одинаково однообразен и мягок как на востоке, так и на западе – до самых крайних пределов, куда доходил свет плазменной трубки. Сама трубка ярким маяком вырывалась из центра купола.

Патриция чувствовала нараставшее в кабине ожидание, и центром его была она. Все ждали ее реакции.

Реакции на что? В любом случае, эта камера производила меньшее впечатление, чем первая. Спина Патриции напряглась. Так что же она должна сказать?

Лэньер протянул руку и коснулся ее плеча.

– Что вы видите? – спросил он.

– Песок, траву, озера, деревья. Реку. Несколько облаков.

– Посмотрите вперед.

Она посмотрела. Воздух был чистым, и видимость составляла, по крайней мере, тридцать километров. Северный купол, казалось, скрывался вдали, и его нависающее серое присутствие не ощущалось, как в других камерах. Она взглянула вверх и прищурилась, пытаясь разглядеть конец плазменной трубки.

Трубка конца не имела. Она продолжалась дальше, наверняка больше, чем на тридцать километров, становясь тусклее и тоньше, пока почти не сливалась с горизонтом.

Конечно, на неискривленной поверхности, каковой является цилиндр, если смотреть параллельно его оси, горизонт расположен значительно выше. На неограниченном расстоянии горизонт должен начинаться в действительно бесконечно удаленной точке...

– Эта камера длиннее, – сказала она.

– Да, – осторожно согласился Ву. Цзян кивнула, улыбаясь этому, словно какой-то шутке, и застенчиво сложила руки на коленях.

– Теперь дайте мне разобраться. Мы проехали около двухсот пятидесяти километров внутри Камня, длина которого составляет около двухсот девяноста километров. Значит, эта камера может иметь в ширину, скажем, пятьдесят километров. – Руки ее дрожали. – Но это не так.

– Посмотрите внимательнее, – посоветовал Лэньер.

– Это оптическая иллюзия. Я не вижу северного купола.

– Не видите, – сочувственно согласилась Фарли.

– Тогда что же? – Патриция окинула взглядом кабину. Лица ее спутников оставались непроницаемыми, за исключением таинственной улыбки Цзян. – Тогда что же, черт возьми, я должна увидеть?

– Это вы сами должны нам сказать, – заметил Гарри.

Она начала быстро размышлять, глядя на противоположную сторону камеры – и пытаясь прикинуть расстояние в странной перспективе огромных цилиндров.

– Остановите машину.

Фарли притормозила машину, и Патриция, спустилась на дорогу. Потом она вскарабкалась по лесенке на платформу наверху кабины и посмотрела вниз, на прямую линию. Дорога

уходила в бесконечность – никакого купола, никакого барьера. Выше остальная часть пейзажа выглядела примерно так же.

– Она больше, – сказала она. Фарли и Лэньер стояли возле машины, глядя на Патрицию. К ним присоединились Ву и Цзян. – Она больше, чем астероид. Она бесконечна. Именно это вы пытаетесь мне сказать?

– Мы ничего не говорим, – заметил Лэньер. – Мы показываем. Это единственный способ.

– Вы пытаетесь объяснить мне, что она не кончается, что она продолжается за его пределами? – Она услышала в собственном голосе нотки паники и восхищения.

Стэнфордский профессор, шесть лет назад оказался неправ. Кто-то еще, кроме инопланетян и богов, мог понять сущность ее работы. Теперь она знала, почему ее везли из Ванденберга на Камень на челноке и ОТМ.

Астероид внутри был длиннее, чем снаружи.

Седьмая камера уходила в бесконечность.

Глава 5

Патриция проспала, судя по времени, девять часов. Она лежала на койке, прислушиваясь к мягкому звуку хлопающей на легком ветру парусины.

По крайней мере, в этой части седьмой камеры не было никакой необходимости в солидных строениях. Климат был сухим и мягким, воздух теплым. Она посмотрела вверх – на тент, натянутый между алюминиевыми столбиками, на туманные очертания плазменной трубки, просвечивающей сквозь ткань.

«Я здесь. Все это – на самом деле».

– Ставка – жизнь, – прошептала Патриция. В палатке, занимающей около ста квадратных метров, приглушенно беседовали по-китайски Фарли и Цзян.

Первые несколько часов, пока для нее устраивали отдельную кабину и готовились к ужину, Патриция была активна сверх всякой меры, порхая всюду, словно мотылек, и задавая вопросы, порой не слишком осмысленные. Какое-то время Лэньер угрюмо наблюдал за ней, и у девушки возникло ощущение, что она чем-то его огорчает. Но затем он вместе с другими начал над ней смеяться – к смеху присоединилась и она сама – и удивил всех, достав бутылку шампанского.

– Чтобы окрестить ваше новое место работы, – пояснил Гарри.

Они попытались найти этому месту более подходящее название, поскольку до сих пор именовали его просто «седьмой камерой» или «коридором».

– Мир-спагетти, – предложила Фарли.

Нет, заметил Ву, скорее мир-макаронина, пустой внутри. Цзян предложила мир-трубу. «Туннель» уже использовался в других частях Камня. Слова и формы, казалось, отражались друг от друга, смешиваясь в беспорядке.

После нескольких бокалов шампанского Патриции отчаянно захотелось спать. И едва успели поставить под тентом койку, как она тут же уснула.

Она потянулась и приподнялась на локте, глядя на кустарник и песок, покрывающие гигантскую цилиндрическую поверхность, исчезающую в дымке. Вошла Фарли и присела возле койки.

– Мечтаете?

– Нет, размышляю.

– Когда Гарри полтора года назад организовал нам это грандиозное путешествие, я думала, что сойду с ума. Что вы думаете насчет внушения? Для вас это лишь начинается, но...

Карен отошла в сторону, разглядывая Патрицию очень голубыми глазами. Она была, примерно, на десять лет старше, и в уголках ее губ и глаз пролегли суровые морщинки. В манере поведения чувствовалась требовательная прямота – почти что женский вариант Лэньера, подумала Патриция.

– Увидеть – еще не значит поверить, – ответила она. – Так что лишь слышать об этом еще не достаточно.

– У нас появляется тенденция к благодушию, – продолжила Фарли, глядя на серо-зеленую дорогу. – Иногда это меня беспокоит. Когда прибывают новые люди и видят то, что мы видим каждый день, нас вновь потрясает, насколько это, в самом деле, странно и удивительно. Иногда я чувствую себя, словно жук, ползущий по сталелитейному заводу. Я что-то ощущаю, что-то вижу, но ничего не могу понять. – Она вздохнула. – Я не уверена, что Гарри с этим согласится, но, думаю, следует предупредить вас о буджумах.

– Он упоминал о них. Кто они такие?

– Некоторые видели буджумов. Привидения. Я не видела, и никто из нашей группы тоже. По общему мнению, они имеют психическую природу – это признак переутомления. Ни разу

не появлялись какие-то действительно яркие видения, фотографии или что-то подобное. Так что будьте осторожны с тем, что увидите. Будьте вдвойне осторожны – никто еще не доказал, что Камень или коридор абсолютно безлюдны. Нас просто слишком мало, чтобы надлежащим образом исследовать и охранять все камеры. Так что если вы что-то увидите, сообщайте, но не верьте этому. – Карен улыбнулась. – Вам понятно?

– Нет, – сказала Патриция, спуская ноги с койки. – Должна ли я составить график, какой-то план того, чем собираюсь заняться, когда?

– Гарри расскажет вам обо всем, примерно, через полчаса. Сейчас он спит – выдохся. Я имею в виду, устал. Знаете, мы все немного беспокоимся за него.

– У вас у всех зеленые значки, но есть ли у вас допуск третьего уровня?

– Господи, нет, – засмеялась Фарли, откидывая назад длинные светлые волосы. – Мы – китайцы. Мы должны быть счастливы, что сумели забраться так далеко. Мы находимся здесь, благодаря любезности наших правительств, которые в этом десятилетии поддерживают дружеские отношения. Как бы то ни было, мы в значительно лучшем положении, чем бедные русские. Их подпускают к скважинам и плазменным трубкам, но больше почти никуда. Все полагают, что их специальность – физика плазмы, и потому они торчат возле оси. Американцы понятия не имеют, какие среди них прекрасные археологи. Что же касается их социологии... – Она печально покачала головой. – Я с рождения воспитывалась в духе марксизма, но не уверена, что камнежители приняли бы прямолинейные ленинистские догмы.

– Гарри ничего мне не рассказывал о деталях соглашений. Я читала об этом дома... Но я знаю, что нам всего не говорили.

– Корабли НАТО-Еврокосмоса первыми добрались до Камня и начали исследования. По соглашению с МКСОК, НАТО имеет все права на контроль за разработками, а над НАТО, естественно, господствуют США. Русские протестовали особенно против этого, но пока им не удалось ничего добиться. Китайцев никогда сильно не интересовал дальний космос, так что мы согласились с тем небольшим, что нам разрешено. Будучи спокойными и исполнительными, мы сумели проникнуть значительно дальше русских. Как вы можете заметить, в седьмой камере их нет.

– Вы не похожи на китаянку.

Фарли рассмеялась.

– Спасибо. Все говорят, что у меня хорошее произношение, но иногда моя речь... Ладно. Я думаю, вы хотели сказать, что я не выгляжу как китаянка. Я – белая иммигрантка во втором поколении. Мои родители, англичане, эмигрировали из Англии в Чехословакию. Они были специалистами по сельскому хозяйству, и Китай принял их в 1978 году с распростертыми объятиями. Там я и родилась.

– Я провела всю свою жизнь в Калифорнии, – сказала Патриция, – и чувствую себя очень защищенной по сравнению с вами. Вне досягаемости реального мира.

– Мира интриг и международной политики? Я тоже. Я провела большую часть жизни на ферме в Хобэе – достаточно уединенное место. А теперь... мы обе здесь. – Она посмотрела на землю, качая головой. – По разным причинам, существует многое, о чем нам не следует беседовать. Гарри доверяет мне, и я уважаю его доверие. Мы изо всех сил стараемся быть вежливыми и заслуживающими доверия. Вот почему нам удалось добраться сюда. Так вот, технические вопросы, непосредственно относящиеся к работе – с этим все в порядке. Но что касается проблем, лежащих вне компетенции Ву, Цзян и моей – никаких обсуждений. Вообще.

– Хорошо, – согласилась Патриция.

Фарли посмотрела на север – прямо вдоль коридора.

– Это сделали камнежители. Они были людьми, такими же, как вы и я. Может быть, когда-нибудь мы встретим их – или нечто еще более странное. – Она тонко улыбнулась. – У вас хорошее воображение?

Патриция кивнула.

– Давайте о чем-нибудь другом. Я уже вздрагиваю.

Фарли похлопала ее по плечу.

– Мне нужно возвращаться. Гарри скоро проснется.

Она вошла в основную палатку.

Патриция встала и разгладила на себе джемпер, потом прошла несколько десятков метров по песку, наклонилась и провела рукой по островку травы.

Длина коридора была столь удивительной и приковывающей внимание, что у нее перехватило дыхание. Он был скромным, экономичным, невероятно прекрасным. Ровное освещение, постепенно отдаляющиеся, но, тем не менее, четкие детали; песок, кустарники, озера и реки, текущие от южного купола...

Несмотря на слова Фарли, Патриция чувствовала себя в безопасности, пройдя еще несколько десятков метров на запад и собираясь увеличить это расстояние вдвое. Она добралась до края карликового леса за десять минут, потом оглянулась, чтобы сориентироваться относительно по палатке и пандусу у туннеля.

Деревья напоминали чахлые сосны не более двух метров в высоту; их искривленные ветви сплетались в непроницаемые заросли. Она никогда не видела чего-то совершенно такого же на Земле, но их иглы напоминали иглы рождественских елок, которые они покупали до того, как перешли на алюминиевый заменитель.

Она наклонилась, чтобы заглянуть под низкий кустарник, но не обнаружила никаких признаков жизни.

Странно, что камнежителю забрали все живое и движущееся с собой, оголив Камень. Куда они все девались?

Теперь это было очевидно. Она ощущала это каждый раз, когда смотрела в даль коридора. Они ушли к бесконечно удаленному северу, если коридор действительно бесконечен.

– Патриция! – позвал из палатки Лэньер. Она подпрыгнула, чувствуя легкую вину, но в его голосе не было упрека или тревоги.

– Да?

– Нас ждет работа.

– Иду.

Они сели за складной стол, стоявший под тентом. Лэньер достал электронный блокнот и вставил в него блок памяти, затем положил аппарат между ними.

– Теперь, вероятно, у вас уже появились кое-какие соображения насчет того, зачем вы нам понадобились. Здесь множество тайн, которые ждут своей разгадки, и эта, – он показал на коридор, – быть может, еще не самая большая.

– Я так не думаю, – возразила Патриция.

– Я уже составил для вас примерный план. Вы отправитесь в город в третьей камере и сосредоточитесь на тамошней библиотеке. Этот город назывался Пушкинка – так же, как и сам Камень. Он на несколько веков моложе Александрии. Кроме того, вы должны несколько раз посетить библиотеку второй камеры. Это займет неделю или две – для начала. – Лэньер показал на блокнот и нажал кнопку «Пуск». По экрану побежали строчки инструкций. – Здесь рассказано, как пользоваться подземкой, приведены планы и меры предосторожности. Естественно, я не смогу сопровождать вас постоянно. У меня слишком много работы, и, вероятно, я скоро ненадолго вернусь на Землю. Все это время докладывайте о своих успехах Леноре Кэрролсон. Большая часть того, что вы должны знать о безопасности, содержится в этом блоке памяти. С кем можно разговаривать, с кем нельзя, протокол и тому подобное. Фарли, Ву и Цзян – прекрасные люди, но будьте осмотрительны. Будьте осмотрительны в отношении любого, кто не имеет тех же привилегий, что и вы.

– С кем я могу говорить, кроме вас?

– С Кэрролсон. Вы можете говорить с ней обо всем, кроме информации из библиотек. Я постараюсь, чтобы она получила допуск и к этим материалам, но не сейчас. Через несколько дней вы познакомитесь с другими учеными. У некоторых есть библиотечный допуск, и вы будете работать вместе, координируя и проверяя друг друга. Ясно? В течение следующих нескольких недель следует изучать, изучать, изучать.

– Как далеко от лагеря я могу уходить?

– Так далеко, как сможете, но берите с собой радио. У нас есть база службы безопасности в пятидесяти километрах отсюда по коридору. Ее датчики в состоянии обнаружить любую деятельность в радиусе нескольких сотен километров. Если они объявят тревогу, немедленно уходите в туннель.

– Какова вероятность такого?

– Небольшая, – пожал плечами Лэньер. – Возможно, ничтожная. Такого еще не бывало. Надеюсь, вы не в обиде на меня. Если с вами что-нибудь случится, у Советника весь пол будет покрыт новыми безволосыми шкурами.

Патриция улыбнулась.

– Так кто моя дуэнья?

– Пока не приедет Кэрролсон – Фарли. Вопросы есть?

– Дайте мне начать, а потом уж будут вопросы.

– Достаточно честный ответ.

Лэньер встал. Патриция взяла блокнот и начала изучать первый блок.

Глава 6

Назавтра Лэньер уехал, сказав, что вернется через два дня, чтобы начать следующий этап ее образования. Через несколько часов появилась Кэрролсон и привезла с собой коробку с блоками памяти и более мощный процессор, недавно доставленный с Земли.

– По крайней мере, я всегда могу взять часть работы с собой, куда бы я ни направлялась, – сказала она. Фарли, Ву и Цзян немедленно начали вводить некоторые из своих задач в новый процессор.

Патриция изучала блоки, с информацией о коридоре. Длина его была неизвестна, но радарные сигналы, отправленные из скважины четыре месяца назад еще не вернулись. Предполагалось, что либо коридор не имеет конца, либо сигналы каким-то необъяснимым образом поглощаются.

Исследовательские команды совершили несколько вылазок в коридор, но до недавнего времени никто не продвинулся далее, чем на пятьсот километров. До этого места обстановка в коридоре ничем не отличалась от седьмой камеры: толстый слой почвы, атмосфера под обычным для Камня давлением – 650 миллибар – и нормальная интенсивность свечения плазменной трубки.

Коридор отличался от седьмой камеры лишь в одном отношении: на четыреста тридцать шестом километре его окружали четыре башни искусственного происхождения, плавающие без видимой поддержки над широкими ямами. Они располагались по окружности на равном расстоянии друг от друга. Из чего они были сделаны – неизвестно, ибо вещество не соответствовало никаким земным характеристикам, кроме твердости. На восьмьсот семьдесят втором километре был еще один подобный круг, и сейчас там работала новая экспедиция.

Патриция достала из сумочки стереоприставку и диск с записью Моцарта. Приставка легко вошла в стандартное гнездо, и она продолжала читать дальше под музыку «Волшебной флейты».

Через полтора часа она выключила музыку и сделала перерыв.

Несмотря на заявления Кэрролсон, что она не нянька Васкес, для Патриции она была именно таковой. У Леноры не было непосредственных обязанностей в седьмой камере, и ее опыт ничего не добавлял к опыту Патриции. Тем не менее, она чувствовала себя спокойнее, если рядом был кто-то старший. Кэрролсон спокойна и уверена в себе, и с ней легко разговаривать, задавать вопросы, делиться мыслями.

В запутанной протокольной и организационной системе Камня нелегко было разобраться. Таблица в блоке памяти, который оставил ей Лэньер, ясно все описывала. Под наблюдением контрольной комиссии МКСОК НАТО-Еврокосмос, а точнее, НАСА и Европейское космическое агентство, руководили исследованиями Камня.

Объединенному космическому командованию принадлежало веское слово в определении направления исследований. Несмотря на внешне гражданский характер, это была, в большой степени, военная операция. Джудит Хоффман, номинально координировавшая деятельность гражданских и военных ведомств из офисов в Саннивейле и Пасадене, несколько смягчала ситуацию.

Силы безопасности Камня состояли из трехсот американцев (около половины численности), ста пятидесяти британцев и ста немцев; остальные пятьдесят прибыли из Канады, Австралии и Японии. Франция не являлась членом НАТО-Еврокосмоса и отклонила предложение прислать своих граждан на Камень. Это несомненно, было выражением протеста против действий НАТО, требовавшего от нее присоединиться к мероприятиям по перевооружению в первые два года двадцать первого века.

Через своих непосредственных командиров силы безопасности Камня получали приказы от капитана ВМФ США Бертрама Д. Киршнера – руководителя внешней безопасности – и бригадного генерала Оливера Герхардта, отвечающего за внутреннюю безопасность.

Шестьсот сотрудников службы работали на Камне, чтобы защитить гражданских от нападения. О том, кто мог на них напасть, не говорилось, но вначале, очевидно, атака ожидалась из седьмой камеры или из неисследованных городов второй и третьей камер.

Лэньер выступал в качестве непосредственного представителя Джудит Хоффман на Камне. Он координировал науку, технику и связь. Кэрролсон была научным руководителем; Хайнеман отвечал за технику, Роберта Пикни – за связь.

Структура научной команды была достаточно ясна. В нее входили математики, археологи, физики, представители общественных наук (включая историков), специалисты по вычислительной технике и информатике, опытные медики и биологи, а также четыре юриста.

Техническая команда состояла из группы поддержки, включающей военное подразделение, и механиков. В группу связи также входило военное подразделение, отвечающее за кодирование информации. Пикни вместе со своим ассистентом Сильвией Линк курировала связь на Камне, а также системы связи Земля – космическая станция – лунное поселение.

Патриция подумала, что никогда не сможет запомнить даже самые важные имена. У нее никогда не было хорошей памяти на имена – лица она запоминала лучше.

Кроме персонала из Соединенных Штатов и Еврокосмоса, в научную команду входили представители России, Индии, Китая, Бразилии, Японии и Мексики. Вскоре должны были прибыть несколько австралийцев и один лаосец. Кэрролсон мельком упомянула о том, что с русскими связаны некоторые проблемы. Они находились на Камне только год – после того, как наконец согласились на определенные ограничения. Несмотря на эту договоренность, они требовали (вполне разумно, подумала Патриция) доступа ко всей информации, включая библиотеки. Библиотеки же, как объяснила Кэрролсон, были чисто американским заповедником – по прямому указанию Хоффман и президента.

– Они бы избавили нас от множества ненужных проблем, если бы просто открыли все для всех, – добавила Ленора. – Терпеть не могу секретность.

Но приказы вышестоящего начальства приходилось выполнять.

– Кто же руководит научной командой, пока вы здесь, со мной? – спросила Патриция.

Кэрролсон улыбнулась.

– Я поручила это Римская. Он довольно ворчлив, но действует толково. И наверняка дважды подумаешь, прежде чем идти к нему жаловаться. Мне же порой все-таки нужно отдыхать.

В блоке памяти Лэньера четко указывалось, с кем Патриция может разговаривать о своей работе, а с кем нет. Если она хотела обсудить что-то, почерпнутое в библиотеке, она могла говорить только с Римская, Лэньером и еще одним членом научной команды, с которым не была еще знакома – Рупертом Такахаси. Сейчас он работал с экспедицией в коридоре.

Патриция пообедала с Кэрролсон и тремя китайцами, полчаса вздремнула, потом взяла свой блокнот и, захватив складной стул, направилась через равнину к карликовому лесу, где села и начала делать собственные заметки. Кэрролсон присоединилась к ней через час, принесла термос с холодным чаем и несколько бананов.

– Мне нужны кое-какие инструменты, – сказала Патриция. – Циркуль, линейка, несколько карандашей, или... Мне нужно подумать. Может ли кто-нибудь из инженеров или электронщиков сделать для меня один прибор?

– Какой?

– Мне хотелось бы узнать, чему равно значение пи в коридоре.

Ленора поджала губы.

– Зачем?

– Ну, судя по тому, что я до сих пор прочитала, коридор определенно состоит не из обычного вещества. Это нечто другое. Прошлой ночью – когда все спали – мы говорили с Фарли, и она рассказала о том, что ей известно. Сегодня утром я заглянула в некоторые из статей, которые подобрали Римская и Такахаси перед моим появлением.

– Снова к дилетанским временам гиперпространственной математики, – съязвила Кэрролсон. – Римская, похоже, замкнулся в своем собственном опыте.

– Возможно, но он высказал интересные предположения. Завтра Карен собирается взять меня с собой к скважине. – Она махнула вверх, в сторону плазменной трубки и оси южного купола. – Если к этому времени у меня будет пи-измеритель, может быть, я кое-что узнаю.

– Сделаем, – пообещала Кэрролсон. – Что-нибудь еще?

– Не знаю, возможно ли это, но еще мне хотелось бы измерить постоянную Планка, и гравитационную постоянную, и вообще все, что можно считать мировыми константами. Нечто вроде мультиметра.

– Вы считаете, что значения констант здесь иные?

– По крайней мере, некоторые из них.

– Постоянная Планка? Нас бы тогда просто не существовало.

– Возможна разница в соотношениях. Мне просто хочется знать.

Кэрролсон поднялась, захватив пустой термос и банановую кожуру, и вернулась к палатке. Через несколько минут они с Ву уехали на машине в шестую камеру.

Патриция смотрела в даль коридора, слегка нахмурившись.

Она обладала вполне реальной, хотя и ограниченной силой и только что резко подняла ставку – на величину Нобелевской премии.

Наиболее важные моменты своей жизни Патриция проводила в собственных мыслях, затерянная в мире, который был совершенно непонятен подавляющему большинству населения Земли. Сейчас, сидя возле карликового леса, слушая Моцартовского «Юпитера» и глядя на коридор, она сначала волновалась, а потом начала раздражаться, что это состояние долгие приходит.

Она знала, с чего начать. Если коридор состоит не из обычного вещества, тогда альтернатив немного. Либо это туннель, ограниченный силовым полем и ведущий за пределы астероида через какие-то гиперпространственные хитросплетения, либо нет. Если нет, то он, вероятно, сам состоит из гиперпространственных хитросплетений. (Она рассмотрела и отвергла как бессмысленное с точки зрения философии, на данный момент, предположение, что коридор – иллюзия).

Гиперпространственные хитросплетения были наиболее сложной концепцией. Если камнежилы использовали технику шестой камеры, чтобы исказить пространство-время, должны были иметь место и соответствующие последствия. Когда появится мультиметр – если он устроит ее, – она сможет начать сопоставление параметров. Искривленное пространство в масштабах коридора могло, вероятно, вызвать флуктуации пи, поскольку диаметр круга в любом серьезно искаженном пространстве может изменяться относительно окружности. Другие константы меняются в зависимости от искажений более высокого порядка.

Вскоре она оставила попытки привести себя в рабочее состояние. Не хватало фактов, чтобы оправдать умственное напряжение.

На данный момент ей ничего не оставалось, кроме как расслабиться и читать. Она вставила в блокнот очередной блок памяти.

– Сколько вам потребовалось времени, чтобы привыкнуть к жизни без ночи? – спросила Патриция.

Фарли нетерпеливо постукивала пальцами по стене арки, ожидая лифта, ведущего к оси. Они стояли в пятидесяти метрах к востоку от пандуса туннеля, на гладкой блестящей железоникелевой плоскости.

– Не уверена, что я к этому привыкла, – сказала Фарли. – Жить можно, но мне не хватает звездных ночей.

– Вы не думаете, что при их технологии камнежители могли бы придумать что-то для создания темноты?

– Чтобы погасить плазменную трубку, требуются огромные затраты энергии, особенно в седьмой камере. Я говорю о том, что, похоже, она продолжается бесконечно, а как по-вашему можно погасить нечто подобное?

Патриция достала свой блокнот и напечатала:

«Плазменная трубка седьмой камеры – снабжение энергией? Поддержание работоспособности? Так же, как в других камерах?»

Двери лифта открылись, и они вошли в большую круглую кабину. Когда Фарли нажала кнопку, двери закрылись. Обе схватились за поручни, прикрепленные к стенам. Сначала ускорение лифта увеличивало их собственный вес, но по мере приближения к оси эффект ослабевал. Лифт достиг постоянной скорости, пройдя около трети пути. К этому времени их вес значительно уменьшился. Вскоре они начали замедляться, мягко переходя в состояние, близкое к невесомости. Двери открылись, и прибывших встретил охранник черно-серой форме.

Помещения, окружающие осевую скважину седьмой камеры, снабжались воздухом и теплом, но во всех других отношениях оставались такими, какими их бросили камнежители столетия назад.

– Мы направляемся к монитору сингулярности, – объяснила Фарли.

Солдат жестом пригласил их сесть в тележку. Держась за канаты, они заняли свои места и пристегнулись ремнями.

– У меня такое чувство, что вы собираетесь показать мне нечто еще более удивительное, – укоризненно сказала Патриция. – А я ведь еще не успела привыкнуть к тем чудесам.

– Это вспомогательное чудо, – таинственно проговорила Карен. – Результат других чудес, если следовать теориям Римская и Такахаси. Но здесь вы – специалист по пространству-времени.

– Я уже не уверена в этом, – холодно заметила Патриция.

– Если коридор – матрица искривленного пространственного туннеля, что бы вы предположили обнаружить в его центре?

– Я думала об этом вчера вечером. – Патриция замолчала, когда тележка приблизилась к краю площадки. – В центре не должны работать никакие законы.

– Точно.

– Сингулярность?

– Именно туда мы и направляемся, – сказала Карен.

Охранник подвел тележку вплотную к шлюзу, смонтированному в каменной стене. Фарли схватилась за поручень и помогла Патриции отстегнуть ремни. Охранник отдал честь и сказал, что подождет их.

Они вошли в шлюз. Фарли включила свет и сняла со стойки два мятых безразмерных скафандра.

– Вы можете подрегулировать длину рукавов и штанин этими ремешками. Подвижность и изящество здесь не требуются – лишь давление, температура и воздух. Это место не слишком часто посещается.

На задней стене шлюза находилась лестница с широкими ступенями, поднимавшаяся к люку, который открывался поворотным колесом. Как-то оборудование, очевидно, давно брошенное, лежало кучами по углам и под лестницей.

– Смотрите под ноги. Делайте все медленно. Опасности нет, если вы будете осторожны. Если что-то случится с вашим скафандром – что маловероятно, – мы сможем вернуться в шлюз менее чем за две минуты.

Фарли проверила застежки скафандра Патриции и нажала красную кнопку на панели рядом с лестницей. Воздух тихо вышел из помещения, и Патриция теперь могла слышать лишь свое собственное дыхание. Фарли включила радио в скафандрах.

– Вверх по лестнице, – скомандовала она.

– Я никогда раньше не пользовалась скафандром, – сказала Патриция, взбираясь по ступеням следом за Карен.

– Судя по отзывам экипажа ОТМ, вы не страдаете космической болезнью.

– Невесомость – это забавно.

– Гм. Мне потребовалось три дня, чтобы привыкнуть.

Фарли повернула колесо на крышке люка и толкнула ее вверх. Она начала медленно открываться, затем остановилась, пока Фарли не поднялась еще на ступеньку и не толкнула еще раз. Крышка открылась, освобождая проход. В скважине были установлены компактные прожектора, хотя выход в седьмую камеру находился всего лишь в десяти метрах и всюду проникал молочный свет плазменной трубки.

Патриция повернулась, глядя на юг. Стены скважины – шершавые, покрытые неровными линиями – исчезали в чернильной темноте. В конце ее виднелся кружок света размером с долларовую монету, если смотреть на нее с расстояния вытянутой руки. Она посмотрела вверх, изо всех сил напрягая зрение, и увидела обширные вкрапления темного камня в астероидном металле.

– Плазменная трубка начинается в каждой камере заново, – сказала Фарли. – Она упирается в купола, поддерживаемая узким горлышком. Это горлышко также удерживает внутри атмосферу – иначе она вся ушла бы через скважины.

– Разве воздух удерживается внутри камер не благодаря вращению? – спросила Патриция.

– Дело в относительной высоте. Без горлышка атмосферное давление у скважин все еще составляло бы около ста восьмидесяти миллиметров ртутного столба.

– Угу.

– Мы думаем, что по окружности трубки в материал куполов вмонтированы заряженные пластины, но это пока еще предложение. А трубка в коридоре значительно отличается от остальных, и у нас совсем мало идей насчет того, как она работает.

Они двигались вдоль стены, пользуясь протянутыми повсюду канатами и стойками. Возле края скважины стоял помост высотой примерно в пятьдесят метров. На него вела лестница в длинной цилиндрической клетке.

– Вы первая, – сказала Фарли. Патриция вошла в клетку и начала подтягиваться на руках; ноги ее бесполезно болтались, как у Фарли в шлюзе. – Когда окажетесь над клеткой, пристегните кольцо скафандра к канату. Если вдруг окажетесь, что вы в свободном полете, я буду сзади вас со страховочным фалом.

У вершины помоста, сориентированного в точности по оси Камня, Патриция пристегнулась к страховочному канату и подтянулась. На пять или шесть метров за край скважины выступала другая цилиндрическая клетка. Фарли махнула рукой, и они выбрались наружу, на наклонную поверхность купола.

– Под этим углом плазма выглядит очень яркой, как видите, – сказала Фарли.

Отсюда открывалась невероятная панорама. Без очевидных признаков искажения перспективы ландшафт казался изображенным на поверхности огромного шара. Детали освещались тускло-молочным светом плазменной трубки, сходящимся в яркий круг в центре дальнего купола.

– Русских сюда не пускают. Однако они работают в других скважинах.

В конце второй клетки было нечто, от чего Патриция ощутила боль в глазах. Фарли приблизилась к ней.

– Это то самое, – сказала она. – То место в коридоре, где все перемешивается.

Оно напоминало полуметрового диаметра трубу из ртути, тянущуюся до бесконечности, не по прямой и не по кривой, не движущуюся, но и не неподвижную. Если вообще можно было назвать ее отражающей, то она не вела себя, как зеркало, изображая едва узнаваемое подобие окружающего.

Патриция приблизилась к сингулярности, стараясь не смотреть прямо на нее. Здесь законы коридора завязывались в искусный продолговатый узел, нечто вроде пространственной пуповины.

Сингулярность искажала ее лицо как будто с радостным злорадством.

– Она не выглядит прямой, но это так. Она, конечно, сопротивляется попыткам проникнуть в нее, – заметила Фарли, протянула руку в перчатке и, коснувшись тупого конца, осторожно погладила ее. – Похоже, она генерирует силовое поле, которое действует в коридоре как сила тяжести. Чистый эффект – сила, которая отсутствует в седьмой камере, но начинает работать сразу же после соединения с коридором. Переход очень плавный. В коридоре чем дальше от сингулярности вы находитесь, тем больше сила, пока вы не достигнете стены. Отсюда создается впечатление, что стены притягивают. Вот вам и вес.

– Есть ли какая-нибудь разница между притяжением стен и отталкивающим полем сингулярности?

Фарли ответила не сразу.

– Если бы я знала. Сингулярность тянется посреди коридора внутри трубки. Есть предположение, что она имеет какое-то отношение к поддержанию плазмы, но... честное слово, мы все здесь невежды. Вам и карты в руки.

Патриция протянула руку. Искривленная зеркальная поверхность протянула навстречу ей нечто расплывчатое. Рука и ее отражение встретились. Она почувствовала покалывающее сопротивление и нажала сильнее.

Рука мягко входила внутрь, пока она не вытащила ее обратно. Патриция – в некоторой степени, к своему собственному удивлению – немедленно поняла принцип.

– Конечно, – сказала она. – Это словно прикосновение к квадратному корню пространства-времени. Попробуйте войти внутрь сингулярности, и вы переместитесь на некоторое расстояние по пространственной координате.

– Будете скользить вдоль нее, – предположила Фарли.

– Верно.

Патриция подплыла к закругленному началу – или это был конец? – сингулярности, затем обхватила ее обеими руками, словно обнимая. Пальцы сжали искривленную поверхность, и девушку сначала притянуло к ней, а потом оттолкнуло.

– Прикоснитесь к ней, – сказала Патриция, – и она ответит на давление силой, параллельной оси. – Она продемонстрировала это. Кольцо и трос остановили последовавший рывок. – Если я нажму под этим углом, сингулярность отбросит меня к северу. Под противоположным углом – на юг. Момент вращения нет. Или меня отталкивает прямо в сторону, или перебрасывает вдоль линии.

Фарли завистливо улыбнулась под шлемом.

– Вы схватываете все на лету.

– Рада, что вы так думаете. – Патриция вздохнула и повернулась. – Ладно. Давайте возвращаться. Мне нужно все это обдумать.

Фарли взяла ее за плечо и направила обратно к клетке, по помосту и в шлюз. Патриция уже погрузилась в размышления, глаза ее остекленели.

Она едва ли заметила поездку на лифте, а в палаточном лагере сразу села за стол с блокнотом и процессором Кэрролсон. Карен отошла на несколько минут, чтобы поесть, а когда вернулась, на экране процессора, соединенного с блокнотом, мигал очередной запрос. Васкес, похоже, спала. Фарли взглянула на дисплей блокнота.

«Из... будущего (?) Сингулярность. Длиннее – проходит сквозь стену астероида. Отталкивание по обратному квадрату возрастает. Куда ушли камнежители? В коридор, конечно.

Кривизны пространства возле искривленного зеркала нет. Нужен мультиметр, чтобы проверить – однако все кажется вполне вероятным, если рассматривать это как заранее спроектированную технологию, манипулирующую геометрией, использующую пространство и измененную метрику как инструмент. Сингулярность, возможно, бесконечно длинная, начинается здесь, на границе камеры и коридора.

Энергия для поддержания плазменной трубки в коридоре. Может ли это быть функцией отдельной Вселенной, каковой, очевидно, является коридор? Откуда появилось вещество – вся эта почва и атмосфера? Не из Камня – по крайней мере, не все; это очевидно».

Теплый воздух, шедший из коридора, шевелил ткань палатки, шелестел травой возле лагерь и смешивался с потоком холодного воздуха от купола, создавая пыльные облачка.

Цзян и Ву играли под тентом в шахматы.

Вскоре Фарли тоже заснула.

Глава 7

Хайнеман что-то раздраженно бормотал себе под нос. Медленно шагая по эстакаде, окружающей площадку, он просматривал грузовую декларацию на экране своего блокнота. Груз – освобожденный от кокона и собранный – удовлетворял всем требованиям, поставленным технической группой шесть месяцев назад. Это было сумасшедшее время, когда они пытались спроектировать устройство, обладающее нелепыми свойствами и предназначенное для работы, которую не понимал никто из технической группы. Но тогда зеленые значки были весьма редки.

Сейчас никто не мог оспаривать его право на зеленый значок. Он был единственным, кто мог испытать это устройство и обучить других им пользоваться.

Это было прекрасное произведение искусства: прозрачный цилиндр высотой двадцать метров и диаметром шесть, напоминающий гигантский реактивный двигатель, из которого удалены все внутренности. Хайнеман посмотрел вниз, в середину площадки, на серповидные металлические детали, которые должны были сомкнуться вокруг таинственного нечто, которое будет находиться внутри цилиндра. Сейчас зажимы покоились на пластиковых вставках, которые будут удалены, когда устройство окажется на своем месте.

Оно называлось трубоходом. Рядом с ним – привезенный в трех коконах на следующем ОТМ – помещался модифицированный турбовинтовой летательный аппарат вертикального взлета и посадки «Боинг-Белл», сокращенно АВВП, модель номер НХВ-24Б.

Это был самый необычный летательный аппарат из всех, какие он видел. Первоначально разработанный для ВВС США и предназначенный для поисковых и спасательных операций, он мог поворачивать свои смонтированные на концах крыльев двигателя на сто двадцать градусов. Пять широких лопастей каждого пропеллера могли втягиваться внутрь. А в хвосте, располагаясь чуть выше центральной линии, находился реактивный двигатель, работающий на керосиново-кислородной смеси, несомненно, для придания дополнительного ускорения – но при каких условиях?

Лихо изогнутые крылья были сдвинуты к задней части фюзеляжа, занимая три четверти его длины и почти касаясь раздвоенного хвоста. В воздух могли подняться восемнадцать пассажиров и экипаж из двух человек – при полной загрузке – или меньшее количество пассажиров и масса оборудования. Это был одновременно самолет, вертолет и ракета.

Он понравился Хайнеману сразу же, как только тот прочитал характеристики. У него всегда была слабость к игрушкам Руби Голдберга.

АВВП мог быть закреплен на трубоходе в трех положениях: словно стрела, торчащая сбоку бревна, причем его нос и заправочная горловина входили внутрь цилиндра; в вставленный в цилиндр «со стороны задницы», как называл это Хайнеман – тогда ракетный двигатель перемещал трубоход вдоль плазменных трубок и скважин в седьмую камеру; или пристегнутый к цилиндру со стороны брюха.

Хайнеман не имел ни малейшего понятия о том, что будет делать устройство, когда окажется на месте. С точки зрения астронавтики или аэронавтики это было чистейшее безумие. Каким образом стабилизировать цилиндр на его траектории – какой бы она ни была – во время посадки АВВП? Цилиндр не имел маневровых двигателей. Всему сооружению едва хватало прочности лишь на то, чтобы двигаться вдоль оси с помощью реактивного двигателя...

«Это не мое дело», – подумал он, делая последнюю пометку в блокноте. Несмотря на первоначальный энтузиазм, Хайнеман чувствовал, что ни один летательный аппарат не может показаться ему действительно прекрасным, пока он сам не полетит на нем и при этом останется в живых.

В коконе также содержалась контрабанда. В декларации – во всяком случае, в официальной – не были указаны два металлических ящика, размером и формой напоминающие гробы. Хайнеман хорошо знал, что в них находится: скорострельные орудия Гатлинга с радаром.

Он догадывался, где они могут быть установлены и с какой целью. Это было имущество Объединенного космического командования, и единственным человеком, который должен был знать об их прибытии, являлся капитан Киршнер. Эти ящики прямо нарушали правила МКСОК, разработанные для Камня.

Хайнеман привык служить двум хозяевам. Он знал, что у Киршнера и ОКК имеются причины нарушать правила. Он знал, что Лэньер и Хоффман согласятся с этими причинами, когда придет время.

Хайнеман убедился, что ящики доставлены на склад службы внешней безопасности, и тут же забыл о них.

Он проплыл мимо разгрузочной площадки и посмотрел на часы. Гарри опаздывал.

Лэньер добрался по канатам до помоста у третьего стыковочного узла. Трубоход и АВВП занимали его центр, словно театральные премьерши, ожидающие костюмеров.

Хайнеман без энтузиазма наблюдал за Гарри.

– Ты выглядишь усталым, – заметил он, протягивая блокнот. Лэньер вернул его, даже не взглянув и не сказав ни слова. – Скоро превратишься в привидение, появляющееся из камер – так, как сейчас.

– Ничего не поделаешь.

Хайнеман покачал головой и присвистнул.

– Что, черт побери, происходит внизу?

– Они готовы? – спросил Лэньер. Хайнеман кивнул и достал из поясной сумки коробку с блоками памяти.

– В настоящее время – да. На следующей неделе я отправляю их вдоль трубки. Если получу зеленый значок...

Лэньер достал из внутреннего кармана куртки зеленый значок и повертел его в руках, демонстрируя инженеру.

– Твой. Вторая степень. Отправляйся и выясняй все сам. Ты ведь такой нетерпеливый.

– Такова моя натура, – сказал Хайнеман, пристегивая значок к лацкану. – Как дела у девушки? Ей нужна помощь?

– Не знаю, – протянул Лэньер. – Она вполне довольна жизнью. – Он поднял брови и глубоко вздохнул. – Похоже, выживет. – Ему очень хотелось переменить тему. – У меня есть временные зеленые для твоего экипажа.

– Я собираюсь лететь один, – заявил Хайнеман. Он удивился, когда Лэньер просто кивнул, так как ожидал хоть какой-то реакции. – Кто пойдет со мной в пробный рейс?

– Я, если будет время.

– Ты не летал много лет.

Лэньер рассмеялся.

– Никто из нас так не летал. Кроме того, это не то умение, которое можно забыть. Ты должен бы знать.

Через площадку к ним плыла женщина-охранник. Лэньер взглянул в ее сторону, протянул руку и получил заклеенный конверт. Она скрылась, не обменявшись с ним ни словом.

– Ты ждал этого? – спросил Хайнеман.

– Да. – Он распечатал конверт, прочитал письмо и сунул его в карман, к значку Хайнемана. – Инструкции с Земли. Я проведу здесь еще несколько дней, потом улечу на следующем ОТМ. Ларри, выведи трубоход на исходную позицию, подготовь для испытательного полета, но больше ничего не делай, пока я не вернусь.

– Советник вызывает?

Лэньер похлопал рукой по карману.

– Начальство. Но я должен убедиться, что Васкес сможет решить задачу. – Он отправился к люку.

– Я буду ждать, – крикнул вслед Хайнеман.

Он смотрел на трубоход и АВВП горящими глазами.

Глава 8

Лэньер сопровождал Ленору Кэрролсон на грузовике в седьмую камеру. В туннеле Кэрролсон включила свет в кабине и вынула из футляра ящичек, который держала на коленях.

– Можете поставить электронщикам высший балл на этой неделе, – сказала она. – Патриция попросила их кое о чем, и они принесли мне это через двадцать четыре часа.

– Что это?

– Вы действительно хотите знать? Это может вас огорчить.

Гарри улыбнулся.

– Огорчаться – моя работа.

– Она попросила прибор для измерения локальных значений π , постоянной Планка и гравитационной постоянной. Электронщики добавили к этому скорость света, отношение массы протона к массе электрона и время распада нейтрона. Не знаю, воспользуется ли она всем, но она это получила.

– Для меня это звучит слишком научно.

– Я спросила, как они ухитрились запрятать все в такой маленький ящичек. Они улыбнулись и сказали, что много лет строили оборонные спутники для ОКК и мультиметр по сравнению с ними – совсем не сложная штука. Они сумели обойтись без кое-каких излишеств. Не знаю, как это все работает, но оно работает. По крайней мере, кажется, что работает. Смотрите.

Она нажала кнопку, на которой была изображена греческая буква «пи». На светящемся дисплее появилась надпись: «3,141592645 стабильно».

– Это может сделать и мой калькулятор.

– Он не сообщит, если π изменится.

– Так к какой статье это отнести?

– К науке, естественно. Неужели в вашей душе нет поэзии – вы все сводите к статьям?

– Это у меня в крови. Так или иначе, переведите его из науки в новую, специальную, статью. И назовите эту статью «Васкес». Расходы держите в секрете.

– Есть, сэр. – Кэрролсон спрянула мультиметр обратно в футляр, когда они выехали по пандусу под свет плазменной трубки. – На нее потребуются большие расходы?

– Не знаю. Я хочу отделить науку, которой занимаются в первых шести камерах, от всего, что делается здесь. Через несколько дней я возвращаюсь на Землю и потрачу часть времени на то, чтобы убедить сенаторов и конгрессменов выделить деньги. Это непростая задача.

– Сдерживаю свое любопытство, – сказала Кэрролсон. – Вы думаете, она справится?

Лэньер бросил на нее раздраженный взгляд.

– Только не надо об этом. Дайте ей все, что потребуется, относитесь к ней благожелательно, мягко направляйте, когда меня не будет. Она прекрасно со всем справится.

– Потому что так говорит Советник?

Лэньер остановил машину возле палатки.

– Они с Фарли, кажется, неплохо ладят. Если какие-то важные дела отвлекут вас, что, если, опеку над ней возьмет на себя Карен? Ничего что она китаянка.

– Я не вижу здесь никаких проблем.

– Я тоже. Однако в библиотеки и обратно будете возить Васкес вы в сопровождении военных, а не Фарли. Это мое единственное условие.

– Прекрасно. Теперь о некоторых действительно больших вопросах, – сказала Кэрролсон.

– Что именно?

– Русские начинают требовать увеличения их группы. Если они этого добьются, мои источники сообщают мне, что того же могут потребовать и китайцы. Нормальная реакция. Они тоже будут жаловаться и не захотят, чтобы их считал более легковверными, чем русских.

– Черт возьми, Фарли кормит их сказками о седьмой камере уже много месяцев. Их это не удовлетворяет?

– Нет. Русские тоже знают основное.

– К черту их всех, – проворчал Лэньер. – На том и закончим.

– Замечательно, – улыбнулась Кэрролсон.

– Следите только, чтобы Патриция не разговаривала с кем не положено.

– Понятно.

– Включая вас.

Кэрролсон прикусила губу, перекрестилась и пылко трянула головой.

– Лучше умереть. Серьезно, неужели я не заслужила повышения?

– Надеюсь привезти его с собой. Я буду говорить с Хоффман. Терпение.

– Значит, терпение, – повторила она.

Лэньер бросил на нее суровый взгляд, потом широко улыбнулся и, протянув руку, коснулся ее плеча.

– Это наш пароль. Спасибо.

– De nada, босс.

Когда Кэрролсон и Лэньер вышли из машины, к ним подошел Ву.

– Возвращается экспедиция ко второму кругу, – сообщил он. – Они примерно в шестидесяти километрах отсюда. Служба безопасности держит с ними связь, и сообщения передаются сюда.

– Хорошо, – сказал Лэньер. – Готовимся к встрече.

Вторая экспедиция состояла из двадцати шести человек на четырех грузовиках. Сидя на опушке карликового леса, Патриция наблюдала за столбом пыли, поднятой приближающимися машинами. Она взяла блокнот и процессор и направилась назад к лагерю.

Из туннеля шестой камеры появились еще две машины и, с грохотом спутившись с пандуса, остановились возле палатки. Из одной вышел Беренсон, командир германских сил безопасности, в настоящее время отвечающий за безопасность в седьмой камере, из другой – Римская и Роберт Смит. Римская приветственно кивнул Патриции, проходя мимо. «Настроение у него улучшилось», – подумала она.

Из тени палатки появились Лэньер и Кэрролсон.

– Как далеко они продвинулись? – спросила Патриция у Лэньера.

– Девятьсот пятьдесят три километра – половина емкости батарей. – Он протянул ей прибор в фетровом футляре. – Мультиметр. Мы включили его в список оборудования, и теперь он ваш. Будьте с ним осторожны. Электронщики не смогут быстро сделать еще такой же.

– Спасибо. Патриция вынула прибор и сложенный листок с инструкцией. Ленора заглянула ей через плечо.

– Радиус действия – около десяти сантиметров, – заметила она. – Весьма локальный.

Римская подошел к ним сзади и откашлялся.

– Мисс Васкес.

– Да, сэр?

«Старые привычки умирают с трудом...»

– Как вам нравится проблема?

– Изумительно, – спокойно сказала она. – Потребуется время, чтобы ее решить, если ее вообще можно решить.

– Конечно, – согласился Римская. – Я полагаю, вы знакомы с нашими гипотезами?

– Да. Они могут помочь.

Они уже помогли, однако Патриция не хотела заострять на этом внимание.

– Хорошо. Вы были у сингулярности?

Она кивнула.

– Жаль, что тогда у меня не было мультиметра.

Девушка протянула ученому прибор, и он тщательно изучил его, качая головой.

– Отличная идея. Я вижу, вы делаете успехи. Значительно большие, чем я. Так и должно быть. Есть здесь один джентльмен, который, быть может, окажет вам помощь. Такахаси – заместитель начальника экспедиции, очень опытный теоретик. Полагаю, вы читали некоторые наши совместные статьи.

– Да. Очень интересно.

Римская посмотрел на нее строгим взглядом – секунд пять или десять, отчего ей стало неуютно – потом кивнул.

– Мне нужно поговорить с Фарли, – бросил он, уходя.

Экспедиционные машины остановились в двадцати метрах от лагеря. Лэньер пошел им навстречу. Кэрролсон задержалась около Патриции.

– Это самое большое расстояние, на которое мы смогли углубиться в коридор, – сказала она. – Судя по тому, что они сообщали по радио, им не слишком много удалось найти.

Возвращение проходило буднично. Из машин никто не вышел; одна за другой, по указаниям Лэньера, они проезжали мимо лагеря и поднимались по пандусу в туннель, исчезая в шестой камере.

Лэньер вернулся с тремя блоками памяти. Он дал по одному Леноре и Патриции, спрятав третий в карман.

– Отчет экспедиции, неотредактированный, – объяснил Гарри. – Ничего особо впечатляющего, судя по словам Такахаси, кроме...

Он обернулся, бросив взгляд на коридор.

– Да? – поторопила его Кэрролсон.

– Второй круг – не просто плавающие башни. Под ними есть отверстия, напоминающие своего рода колодцы. Им не удалось выяснить, куда ведут эти колодцы, но они определенно открыты.

– Значит, в коридоре есть дырки, – решила Кэрролсон. – Ладно, Патриция, пришло время спланировать поездку к первому кругу. Когда вы предполагаете освободиться?

Патриция вздохнула и покачала головой.

– В любое время. Я могу работать везде, где бы ни находилась.

– Сделаете это послезавтра, – подсказал Лэньер. – Нам с Патрицией нужно побывать в библиотеке. – Он незаметно сделал знак Кэрролсон, та извинилась и, еще раз обернувшись, ушла в палатку.

– Вторая часть посвящения начнется в следующую смену, – добавил он. – Самая трудная из всех. Вы готовы?

– Не знаю, – Патриция почувствовала, как что-то сжимается в груди. – Я должна быть готова. Пока что мне удалось остаться в живых.

– Хорошо. Встречаемся у пандуса через двенадцать часов.

Глава 9

С тех пор как пять веков назад был построен Аксис, он переместился вдоль коридора на миллион километров. Ольми и фронт преодолели это расстояние меньше чем за неделю, летя на своем аппарате по вытянутой спирали вокруг плазменной трубки.

За всю историю Пушинки и Пути никто и никогда не проникал в астероид снаружи.

Ольми и фронт наблюдали за новыми обитателями Пушинки две недели и многое узнали. Несомненно, это были люди, и даже сам Корженовский не мог предположить того, что знал теперь Ольми.

Пушинка совершила полный круг. Гешели предупреждали о возможном смещении, но никто не мог знать, каким оно будет и каковы будут результаты.

Завершив исполнение своих основных обязанностей перед Нексусом, Ольми отключил регистраторы данных и вернулся в третью камеру, в свой старый дом. Цилиндрическое многоквартирное здание, где жила когда-то его семья-триада и где он провел в детстве два года, стояло на самом краю Пушинки-города, не более чем в километре от северного купола. Когда-то в здании жило двадцать тысяч обитателей, главным образом, гешелей – техников и ученых, занятых в Проекте шестой камеры. Затем оно служило временным пристанищем для сотен ортодоксальных надеритов, изгнанных из Александрии. Сейчас дом, конечно, пустовал; не было никаких признаков и того, что его посещали новые обитатели астероида.

Ольми пересек вестибюль и, остановившись возле охранного автомата, несколько озадаченный, чуть прищурился. Он повернулся к широкому иллюзартовому окну и заметил во дворе фронта, терпеливо сидящего на пустом пьедестале световой скульптуры. Через окно казалось, что фронт расположился в роскошном земном саду, на фоне пылающего заката.»Фронт бы это оценил», – подумал Ольми.

Он обратился к автомату на графореци и получил доверительный ответ: его квартира заблокирована так же, как и все в здании. Ни одну нельзя занять или даже увидеть, пока нынешний запрет не будет отменен.

Этот приказ отдали после того, как последняя семья надеритов была вывезена из города. Открыты были лишь общественные здания – для оставшихся ученых, которые завершали исследования. Люди Земли уже начали пользоваться некоторыми из этих зданий, главным образом – городской библиотекой Пушинки.

Он ввел в автомат закодированную пиктограмму Нексуса и сказал:

- Я имею полномочия временно отменить запрет.
- Полномочия подтверждены, – ответил автомат.
- Открой и обставь квартиру семь девять семь пять.
- Какую обстановку вы желаете?
- Такую, какая была при триаде Ольми-Секора-Лира.
- Вы из этой семьи? – вежливо поинтересовался автомат.
- Да.
- Поиск. Обстановка завершена. Вы можете подняться.

Ольми поднялся на лифте. В круглом облачно-сером проходе, двигаясь в нескольких дюймах над полом, он испытывал незнакомое и неприятное эмоциональное напряжение – возрадилась оставшаяся далеко в прошлом боль утраты юношеских надежд, разрушенных политической необходимостью.

Он прожил столь долгую жизнь, что, казалось, в его память содержались мысли и ощущения многих людей. Но один набор ощущений все же преобладал над другими, и одно честолюбивое стремление оставалось превыше всего. В течение веков он работал в интересах правящих гешелей и надеритов, никогда не пользуясь особым расположением со стороны начальства.

Красный светящийся номер его квартиры в нижней части круглой двери был единственным светящимся номером в коридоре. Он вошел и какое-то время стоял среди знакомой с детства обстановки, испытывая легкую ностальгию. Мебель и интерьер отражали естественное желание отца воспроизвести их жилище в Александрии, которое пришлось покинуть. Они провели здесь два года, ожидая решения их судьбы, прежде чем семья смогла перебраться в только что построенный Аксис.

Они были последней семьей, жившей здесь, и у Ольми имелась масса возможностей, исследовать память здания и поупражняться в программировании. Уже в детстве проявилась его склонность к технике, что пугало родителей – ортодоксальных надеритов. И то, что он обнаружил почти случайно в памяти здания пять веков назад, изменило всю его жизнь...

Он сел в голубое кресло отца перед квартирным блоком данных. Эти блоки сейчас уже устарели и в Аксисе воспринимались лишь как очаровательные старинные безделушки, но ребенком Ольми провел многие часы перед этим устройством и нашел его удобным для работы. Изображая свои собственные кодированные пиктограммы, он активировал блок и открыл специальный канал, ведущий к памяти здания. Когда-то память служила нуждам тысяч пользователей, сохраняя их записи и играя роль хранилища для миллионов возможных вариантов обстановки. Сейчас она была фактически пуста; у Ольми создалось впечатление, что он плывет в обширной темной пустоте.

Он изобразил номер стека и регистра и ждал, когда появятся закодированные вопросы. На каждый из них он отвечал точно и правильно.

В пустоте появилось нечто – фрагментарное, мучительно неполное, но даже при этом могущественное и узнаваемое.

– Сер Инженер, – проговорил Ольми.

«Друг мой.» Мысленный голос был ровным и сильным, хотя и беззвучным. Даже сейчас он отчетливо ощущал личность и присутствие Конрада Корженовского.

– Мы вернулись домой.

«Да? Как давно вы в последний раз говорили со мной?»

– Пятьсот лет назад.

«Я все еще мертв?..»

– Да, – мягко сказал Ольми. – Теперь послушайте. Есть многое, о чем вы должны узнать. Мы вернулись домой, но мы не одни. На Пушинке появились новые обитатели. Пришло время вам отправиться со мной...

Глава 10

Патриция Васкес и Лэньер, пройдя через ворота в ограждении и посты службы безопасности, вошли в библиотеку второй камеры, пересекли пустой вестибюль и, поднявшись по лестнице на четвертый этаж, оказались в читальном зале с темными кабинами. Лэньер усадил Патрицию и отправился к стеллажам, оставив ее одну; она снова ощутила странный холодок, ту мрачную атмосферу, которая, казалось, была присуща лишь библиотеке. Когда Гарри вернулся, в руках у него были четыре толстых книги.

– Это одни из последних книг, изданных для массового распространения, прежде чем все информационные службы были заморожены. Не на Камне, а на Земле. Их Земле. Полагаю, вы уже догадались, что это за библиотека.

– Библиотека-музей.

– Правильно. Старинная библиотека, приспособленная для тех, кто имеет старинные привычки, верно? Попав в библиотеку третьей камеры, вы познакомитесь с информационными системами камнежителей.

Он протянул первый том, изданный в том же стиле, что и Марк Твен, но в более тяжелом переплете и на толстом прочном пластике. На корешке стояло: Абрахам Деймон Фармер «Краткая история Гибели». Патриция открыла страницу с выходными данными и посмотрела на год издания.

– 2135 год. По нашему календарю?

– Да.

– Там говорится о Малой Гибели? – с надеждой спросила Патриция.

– Нет.

– Значит, это что-то другое, – пробормотала она, читая хронологию в начале первой главы. – Декабрь 1993 – май 2005. – Она закрыла книгу. – Прежде чем читать дальше, я хочу задать вопрос.

– Задавайте.

Гарри ждал, но на то, чтобы сформулировать мысль, ей потребовалось некоторое время.

– Это исторические книги о некоем будущем, не обязательно о нашем собственном, так?

– Да.

– Но если эта хронология... верна, соответствует действительности... если это может быть нашим будущим... тогда меньше чем через месяц должна произойти катастрофа?

Он кивнул.

– Предполагается, что я должна ее предотвратить? Как? Что, черт возьми, я могу сделать?

– Я не знаю, что может сделать кто-либо из нас. Мы уже работаем в этом направлении. Если... большое если... это вообще должно произойти. В любом случае, когда вы будете читать эти книги, для вас должно быть очевидно, что Вселенная Камня отличается от нашей, по крайней мере, в одном, очень существенном отношении.

– А именно?..

– В их прошлом никакой гигантский космический корабль-астероид в окрестностях Земли и Луны не появлялся.

– Это может иметь какое-то значение?

– Я думаю, что да, а вы?

Патриция перевернула страницу.

– Сколько у меня времени?

– Завтра я улетаю на Землю. Вы поедете к первому кругу днем позже.

– Два дня.

Он кивнул.

– Я останусь здесь?

– Если вас это устроит. За стеллажами есть помещение, оборудованное для сна, с запасом продуктов и переносной печкой. Охрана будет заходить к вам каждые несколько часов. Вы не должны говорить никому из них о том, что читаете. Но если вы почувствуете недомогание, немедленно дайте знать. Недомогание любого рода. Даже если у вас просто заболит живот. Понятно?

– Да.

– Пока я останусь здесь с вами. – Он мягко сжал ее руку. – Часа через два отдохнем вместе, хорошо?

– Ладно, – согласилась Патриция.

Она наблюдала, как Лэньер расположился в кабинке, достал из кармана электронный блокнот и начал что-то печатать.

Патриция перевернула первую страницу и начала читать, но не подряд. Вместо этого она перескакивала от середины книги к началу, затем к концу – в поисках страниц, где излагались главные события или делались выводы.

Страница 15.

«В конце 1980-х годов Советскому Союзу и его сателлитам стало ясно, что западный мир побеждает – или должен вскоре победить – в войне технологий и, соответственно, идеологий, как на Земле, так и в космосе с непредсказуемыми последствиями для будущего их народов и их системы. Рассматривалось несколько путей преодоления технологического отставания, однако ни один из них не выглядел практически осуществимым. В конце 1980-х, с развертыванием первых американских оборонных систем космического базирования, Советы начали тратить все больше сил на добывание технологических секретов путем шпионажа и импорта товаров, на которые было наложено эмбарго – компьютеров и другого высокотехнологичного оборудования, – но вскоре оказалось, что этого недостаточно. В 1991 году выяснилось, что советские оборонные системы космического базирования хуже с точки зрения конструкции и возможностей, и советскому руководству стало очевидно, что то, что предсказывалось уже многие годы, фактически свершилось: Советский Союз не может соревноваться со свободным миром в области технологий.

Большинство советских компьютерных систем было централизовано; персональные компьютеры запрещались (за небольшими исключениями – в частности, эксперимент «Агат»), а законы ужесточались. Молодые советские граждане не могли сравниться в технологической изобретательности со своими коллегами из Западного блока. Советский Союз вскоре должен был задохнуться под гнетом собственной тирании, оставаясь нацией двадцатого (или девятнадцатого) века в мире века двадцать первого. У них не оставалось иного выхода, кроме как попытаться совершить, пользуясь спортивной терминологией, «финишный рывок». Нужно было испытать смелость и решимость народов Западного блока. Если бы Советы потерпели неудачу, к концу века они оказались бы намного слабее своих соперников. Малая Гибель была неизбежна».

Патриция глубоко вздохнула. Ей не приходилось читать отчетов о Малой Гибели, сделанных со столь отдаленной – в историческом плане – перспективы. Она помнила те кошмарные дни, когда была еще девочкой пережила невероятное напряжение и страх, а потом увидела последствия по телевизору. С тех пор она научилась владеть собой, но эти холодные критические рассуждения – в столь авторитетном окружении – вновь вернули прежние страхи.

Страница 20.

«В сравнении с этим Малая Гибель 1993 года была обычным конфликтом на низком технологическом уровне. Вызвавшая замешательство и ужас, она привела к лицемерному международному соглашению, напоминающему притворные обещания маленьких детей. В страхе перед собственным оружием во время этого первого конфликта Западный блок и Советы постоянно сдерживали свои силы, основываясь на тактике и технологии прошлых десятилетий. Когда в дело пошло ядерное оружие – а командование отдавало себе отчет в том, что это должно случиться, – оборонные системы космического базирования, еще новые и неиспытанные, оказались весьма эффективными. Однако они не могли предотвратить запуск трех ракет с подводных лодок, уничтоживших Атланту, Брайтон и часть побережья Британии. Русские не смогли защитить Киев. Обмен ядерными ударами был ограничен: Советы и Запад капитулировали почти одновременно. Но репетиция состоялась, и Советы вышли из нее с меньшими потерями, чем их противники. Они лишь приобрели роковую уверенность в том, что не могут быть побеждены ни при каких обстоятельствах и история не в состоянии ликвидировать их ставшую анахронизмом систему.

Гибель, когда она наступила, была полностью честной и открытой. Каждое оружие использовалось так, как его и предполагалось использовать. Казалось, никто не сожалел о последствиях».

Страница 35.

«В ретроспективе кажется вполне логичным, что если оружие изобретено, оно должно быть использовано. Но мы забываем о слепоте и бестолковости конца двадцатого и начала двадцать первого века, когда наиболее разрушительное оружие рассматривалось как защитная стена и когда ужас Армагеддона считался сдерживающим средством, на которое не пошло бы ни одно разумное общество. Но народы не были разумными – рациональными, сдержанными, бдительными, но не разумными. Арсенал каждого народа включал в себя мощное недоверие и даже ненависть...»

Страница 3.

«Малая Гибель унесла четыре миллиона жизней, большей частью, в Западной Европе и Англии. Число жертв Гибели исчисляется примерно двумя с половиной миллиардами, но даже в отношении этого количества нельзя быть уверенным, поскольку когда подсчет трупов был «завершен», возможно, уже разложилось столько же тел, сколько было сосчитано. И, конечно, значительно большее число людей могло полностью испариться».

Патриция протерла глаза.

– Ужасно, – пробормотала она.

– Можете сделать перерыв, если хотите, – заботливо предложил Лэньер.

– Нет... еще нет. – Она продолжала листать страницы вперед и назад...

Страница 345.

«Подводя итоги, можно сказать, что морские бои оказались чудовищной шуткой технологии. При Малой Гибели подводные лодки преследовались (и в некоторых случаях потоплялись) вплоть до самой капитуляции и даже после нее, но крупные флоты вели лишь перестрелку. Во время основного конфликта, как только война развернулась по-настоящему, примерно через два часа после первых враждебных акций, флоты Востока и Запада оказались под огнем. В Персидском заливе, на северо-западе Тихого океана, в Северной Атлантике и Средиземном море (Ливия предоставила Советам морскую базу в 1997 году) сражения были жестокими и короткими. Победителей было немного. Морские сражения во время Гибели продолжались, в среднем, полчаса, а многие не заняли и пяти минут. В первый день, пока шла стратегиче-

ская разведка, перед широкомасштабной эскалацией военных действий, флоты Восточного и Западного блоков уничтожили друг друга. Это были последние крупные военно-морские силы, и их радиоактивные остатки все еще загрязняют воду 130 лет спустя».

Страница 400.

«Своеобразным феноменом второй половины двадцатого века было увеличение количества «отшельников». Эти люди – обычно группами в пятьдесят человек и меньше – заявляли свои права на изолированные территории в ожидании крупномасштабной катастрофы, которая уничтожит цивилизацию и приведет к анархии. С запасами пищи, оружием, «стремлением выжить» – желанием изолировать себя как морально, так и физически, – они воплощали худшие черты того, что Орсон Хэмилл назвал «консервативной болезнью двадцатого века». Здесь нет места для анализа причин болезни, когда личное здоровье и выживание ставились выше всех моральных соображений и когда способность к уничтожению превышала всякое душевное благородство, но об этом можно говорить лишь с грустной иронией.

«Отшельники» были правы – и неправы. Катастрофа наступила, и большая часть мира была уничтожена, но даже во время последовавшей за этим Долгой Зимы цивилизация не погрузилась в анархию. В действительности уже через год появились сплоченные сообщества. Жизнь каждого стала почти единственной ценностью – а все, пережившие Гибель, стали товарищами. Любовь и поддержка со стороны соседствующих групп играли существенную роль, поскольку никакая отдельная группа не имела средств и сил для того, чтобы долго прожить без посторонней помощи. Анклавы «отшельников» – вооруженные и опасно безразличные к тому, каким образом они защищают себя и кого убивают – вскоре стали объектами ненависти и страха, единственным исключением из нового понимания братства.

В течение пяти лет после Гибели большинство анклавов «отшельников» было обнаружено и их полубезумные члены убиты или взяты в плен. (К несчастью, многие изолированные общины «выживших» также были уничтожены. Различие между этими двумя понятиями носит исторический характер и игнорировалось тогдашними властями.) Многие «отшельники» были отданы под суд за преступления против человечества – в частности, за отказ участвовать в восстановлении цивилизации. Со временем эти преследования распространились на всех, кто выступал за право носить оружие и даже, в некоторых сообществах, на всех, кто поддерживал высокие технологии.

Те военные, кому удалось выжить, были принудительно направлены на социальное перевоспитание.

Исторический трибунал 2015 года – когда высокопоставленные политики и военные как Восточного, так и Западного блоков были обвинены в преступлениях против человечества – увенчал эту мрачную, но вполне естественную реакцию на ужасы Гибели».

Это казалось нереальным. Патриция закрыла книгу и зажмурилась. Она сидела здесь, читая книгу о событиях, которые не произошли здесь – еще – и случились в другой Вселенной.

Она проглотила комок в горле. Если это было в действительности и должно случиться, нужно что-то делать. Она пролиставала приложения.

На странице 567 нашлось то, что нужно. На следующих двухстах страницах были перечислены все города мира, подвергшиеся бомбардировке, вместе с приблизительным количеством жертв. Она поискала Калифорнию: двадцать пять городов, по каждому нанесено от двух до двадцати трех ядерных ударов. Лос-Анджелес – двадцать три удара в течение двух недель. Санта-Барбара – два, Сан-Франциско, включая Окленд, Сан-Хосе и Саннивейл – двадцать в течение трех дней. Сан-Диего – пятнадцать. Лонг-Бич – десять. Сакраменто – один, Фресно – один. Космический центр в Ванденберге – двенадцать, равномерно распределенных вдоль побережья.

Разрушено пятьдесят три воздушных базы, расположенных в городах или около них, включая гражданские аэродромы, которые могли быть использованы в военных целях. Все космические центры во всем мире уничтожены – даже в странах, не участвовавших в войне.

Патриция почувствовала головокружение. Книга, казалось, уплывала от нее. Не было никакого туннельного видения, не было потери ощущений, лишь некая отстраненность. Она – Патриция Луиза Васкес, двадцати четырех лет, и поскольку она молода, ей предстоит долгая жизнь. Ее родители, так как она знает их всю свою жизнь, должны жить еще очень долго – невообразимо долго. И Пол – поскольку они лишь недавно узнали друг друга, поскольку он был единственным человеком, который хотя бы попытался выяснить, чем она занимается, – Пол тоже должен быть в безопасности.

А ведь они живут в районах, которые должны быть (могут быть) стерты с лица Земли.

Действительно, все очень просто. Она может взять книгу с собой, когда будет улетать, что должно произойти скоро, быть может, через несколько дней. Она может взять ее с собой на Землю и показать людям. (Возможно, нечто подобное уже сделано.)

И если Вселенные настолько близки, что их будущее может оказаться схожим, человечество должно действовать быстро. Поставленные перед угрозой ядерной войны народы должны начать разоружаться, начать мирные переговоры...

«Боже, мне так жаль, что мы вплотную подошли к этому. Будем считать это благословением и...»

– О, ГОСПОДИ!

Патриция закрыла книгу и встала.

Лэньер прогуливался вместе с ней по чахлому парку возле библиотеки. Она минут пять поплакала, потом взяла себя в руки. Вопросы, которые она хотела задать, были слишком сложны, чтобы выразить их словами. И, узнав ответ, она могла сойти с ума...

– Кто-нибудь проводил сравнение? Я имею в виду, между их историей и нашей? – спросила она.

– Да, – сказал Лэньер. – Я занимался этим, и Такахаси тоже.

– Он знает столько же, сколько и мы?

Лэньер кивнул.

– Что вы обнаружили? Я спрашиваю, насколько они подобны?

– Отличия в исторических хрониках малы настолько, что их можно считать различными интерпретациями одного факта. Существенных расхождений нет – вплоть до Камня.

– А ситуации, описанные в книгах – они соответствуют тому, что происходит на Земле сейчас, да?

– Да.

– Малая Гибель никого ничему не научила?

– Видимо, нет.

Она присела на камень под мертвым деревом.

– На Земле знают?

– Знают одиннадцать человек, здесь и там.

– Что они предпринимают?

– Все, что могут, – ответил Гарри.

– Но Камень может изменить положение дел. Это решающее различие. Так?

– Надеемся, что так. В течение следующих нескольких недель мы должны получить все необходимые ответы – на вопросы об альтернативных временных линиях, о Вселенной, откуда прибыл Камень. Вы можете помочь?

– Вам нужно знать, почему Камень оказался здесь и насколько схожи Вселенные, чтобы решить, будет ли на Земле война?

Лэньер кивнул.

- Это очень важно.
- Я не вижу, чем могу помочь.
- Хоффман считает, что если кто-то и способен дать ответ, так это вы. Патриция кивнула и посмотрела вдаль.
- Хорошо. Могу я поставить некоторые условия?
- Какие?
- Я хочу, чтобы моя семья была эвакуирована. Я хочу, чтобы некоторые мои друзья были вывезены за город и укрыты в надежном месте. Укрыты вместе с генералами и политиками.
- Нет. – Лэньер медленно обошел вокруг дерева. – Я не сержусь на вас за вашу просьбу, но – нет. Никто из нас не просил ни о чем подобном. Хотя, конечно, все об этом думали.
- У вас есть семья?
- Брат и сестра. Мои родители умерли.
- Жена? Нет. Вы холостяк. Подруга, невеста?
- У меня нет постоянных привязанностей.
- Тогда вы, возможно объективны, чем я, – сердито бросила Патриция.
- Вы знаете, что ничего изменить нельзя.
- Я должна работать здесь, для вас, и ждать, пока мои родители, мой друг, моя сестра – все, кого я люблю – погибнут в катастрофе, о которой я уже знаю?
- Лэньер остановился перед Патрицией.
- Подумайте!
- Знаю, знаю. На Камне сотни людей. Если все узнают об этом и начнут задавать вопросы, будет страшная неразбериха. Вот почему ограничен доступ в библиотеки.
- Это одна из причин, – заметил Гарри.
- И чтобы не узнали русские?
- Это тоже.
- Как умно. – Голос ее был мягким, полная противоположность тому, чего ожидал Лэньер. Он звучал ровно и если не совсем спокойно, то по крайней мере не подавленно. – Что делать, когда я получу письмо из дома? – спросила она. – Что если я не отвечу?
- Это не будет иметь особого значения, верно? Осталось лишь несколько недель.
- Как я буду себя чувствовать, получая письма? Как я смогу работать?
- Вы будете работать, – сказал Лэньер, – зная, что если мы быстро получим ответ, то, возможно, сумеем что-либо сделать.
- Она устала в землю, поросшую сухой желтой травой.
- Там говорится, что все космодромы были разбомблены. В этой книге.
- Да.
- Если это случится, мы застрянем здесь, верно?
- Да. Большинство из нас. Впрочем, особого желания быстро вернуться у нас не возникнет.
- Вот почему вы начали заниматься здесь сельским хозяйством. Мы не будем ничего получать с Земли... как долго?
- Если начнется война и все будет так, как описано – возможно, лет тридцать.
- Я... я не могу сейчас идти в библиотеку. Ничего, если я еще немного побуду здесь?
- Конечно. Давайте вернемся в первую камеру и пообедаем. И помните: я уже давно живу с этой информацией. У вас нет никаких причин не выдержать этого.
- Она молча поднялась на ноги. Ее руки и ноги уже не дрожали. Патриция была в удивительно хорошей форме.
- Идем, – сказала она.

Глава 11

Экспедиция собралась возле машины через два часа после начала утренней смены. Они походили на группу туристов, отправляющуюся на экскурсию. Машина была загружена до отказа.

Патриция села между Такахаси и мускулистым морским пехотинцем Рейнольдсом, вооруженным «эплом» и компактным автоматом. Ленора Кэрролсон села рядом с водителем, лейтенантом американских ВМС Джерри Лейком, высоким парнем с песочного цвета волосами. Лейк бросил взгляд назад, убеждаясь, что все в порядке, кивнул Такахаси и улыбнулся Патриции.

– Моим людям приказано охранять мисс Васкес любой ценой. Так что не убегайте никуда без разрешения.

– Слушаюсь, сэр, – спокойно сказала Патриция.

Такахаси – наполовину японец, невысокий, крепко сложенный, с коротко подстриженными черными волосами и большими самоуверенными зелеными глазами – кивнул в ответ. Такахаси был единственным, кто носил здесь земную одежду – рубашку, ветровку и джинсы.

– Особое разрешение, – объяснил он. – У меня аллергия на краситель комбинезона.

Лейк тронул машину с места. Кэрролсон проверяла комплектность оборудования, а Фарли читала вслух список.

Всего в машине сидело восемь пассажиров – четверо военных и четверо «начальников», как Кэрролсон именовала ученых и Патрицию.

Патриция не отводила взгляда от спинки переднего сиденья. Там в кармане лежало письмо от Пола, которое ей передали в первой камере во время прошлой смены.

«Дорогая Патриция!

Где бы ты ни была, моя таинственная женщина, надеюсь, что у тебя все хорошо. Жизнь здесь достаточно буднична – особенно когда я думаю о том, где ты можешь быть, – но она идет своим чередом. Я постоянно общаюсь с твоими предками; Рита просто куколка, а с Рамоном у нас порой бывают весьма интересные беседы. Я многое о тебе узнал за твоей спиной. Надеюсь, ты не обидишься. Мое заявление о приеме на работу в фирму Престера и Минтона (два разработчика программного обеспечения), как я слышал, рассматривается, но дело отодвинули, пока не пройдет законопроект об ассигнованиях на Защитную Платформу. Ходят слухи об obstructии, а это может задержать решение вопроса на несколько месяцев.

Впрочем, хватит об этом. Мне отчаянно тебя не хватает. Рита спрашивает меня, собираемся ли мы пожениться, а я держу язык за зубами, как ты и просила. Я хочу этого, ты знаешь. Меня не интересуют твои странности: и то, где ты сейчас находишься; только возвращайся и только кивни мне. Мы найдем для себя свой собственный дом. Не будь на этот раз столь упряма. Впрочем, довольно; у тебя, наверное, голова сейчас занята совсем другим, а наши объятия и поцелуи на берегу, куда ты меня вытащила – просто развлечение. (Ты же знаешь, я не могу закончить письмо без какой-нибудь бестактности.) Я люблю тебя. Целую.

Пол.»

Она написала длинный ответ, подвергнув его собственной цензуре, показала его Кэрролсон для одобрения и отправила на Землю со следующим ОТМ.

К ее удивлению, письмо далось ей легко. Патриция рассказала обо всем, что, по ее мнению, Пол хотел услышать, все, что ей необходимо было сказать, если Пола действительно не будет в живых через несколько недель. Нельзя утверждать, что она всерьез воспринимала подобную возможность. Этого не будет, иначе она не могла бы быть столь спокойной.

Лэньер сейчас на пути к Земле. Патриция завидовала ему. Она предпочла бы ожидать смерть на Земле, а не здесь, зная все наперед.

Нет, это не могло быть правдой. Патриция закрыла глаза и обругала себя. Это самая большая ответственность, какая когда-либо была на нее возложена. Она должна преодолеть безумное горе и страх и работать, делая все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

И, почти ненавидя себя за это, она действительно работала. В ее мозгу начали возникать возможные решения, являющиеся, словно поклонники, облеченные в уравнения, и каждое из них она отвергала, когда его неадекватность становилась очевидной.

Такахаси был умен и добросовестен, но у Патриции не возникло особого желания беседовать с ним, когда готовилась экспедиция, так что она почти ничего не знала о нем. С этого момента, как сказал Лэньер, Такахаси и Кэрролсон должны стать ее помощниками почти во всем.

Дорога заканчивалась в пятидесяти километрах от базового лагеря. Машина нырнула в глубокий овраг; ее шины издавали своеобразный шум при соприкосновении с почвой. Пано-рама по мере продвижения не менялась. Южный купол медленно и размеренно удалялся, становясь все менее впечатляющим. Патриции, однако, неудобно было оборачиваться, так что она бросала назад лишь короткие взгляды. Кэрролсон, Фарли и Такахаси играли на электронном блокноте в шахматы, а она между делом наблюдала за ними.

– Полпути пройдено, – сообщил Лейк два часа спустя.

Шахматисты записали свои ходы и очистили экран, в то время как грузовик, плавно замедлив ход, остановился. Дверцы открылись, и морские пехотинцы со вздохом облегчения выбрались наружу. Патриция выскользнула следом за ними и спустилась на сухую почву, потягиваясь и зевая. Кэрролсон обошла машину с противоположной стороны с термосом в руке и разлила напиток по чашкам.

– Все самое лучшее!.

– Пиво? – поинтересовался Рейнольдс.

– Чем не пожертвуешь ради науки, – заметила Ленора. – Кто-нибудь голоден?

Патриция взяла из коробки бутерброд и отошла вместе с Такахаси на несколько десятков метров от машины. Какое-то время она испытывала неприятное ощущение беспокойства и тошноты, но оно прошло. Чего нужно бояться в этой бесконечной пустыне, лишенной даже насекомых?

– Море было мокрым, как обычно, песок же был сухим... – пробормотала она.

– Действительно, – согласился Такахаси.

Патриция присела на корточки; он опустился рядом с ней в позе лотоса.

– Вы знаете, зачем я здесь?

Такахаси выражался неуклюже прямо. Патриция отвернулась.

– Несомненно, для того, чтобы следить за мной.

– Да. Лэньер сказал, чтобы за вами прилежно наблюдали. Как вы себя чувствуете?

– Вполне сносно.

– Библиотека... – Он понизил голос и оглянулся на купол. – Это нелегко.

– Очень скоро я буду чувствовать себя, словно принцесса, окруженная прислугой.

Такахаси усмехнулся.

– Все не так уж плохо. Хотя я понимаю беспокойство Лэньера. Но я хочу задать один важный вопрос. Вы можете работать?

Патриция знала, что он имеет в виду.

– Я уже работаю. Прямо сейчас.

– Хорошо.

Больше на эту тему говорить было нечего.

Она приподняла ветку куста, чтобы посмотреть, отличается ли здешняя растительность от той, что у лагеря. Отличий не было – маленькие листья, скользкая поверхность. Даже сухая трава была такой же.

– Не слишком обильная растительность, – сказала Пат. – По крайней мере, я ожидала больше карликовых лесов.

– С этим становится все хуже.

– Вы когда-нибудь думали о том, сколько почвы им пришлось нанести в коридор? – спросила Патриция, вставая. Она лишь слегка надкусила свой бутерброд, не испытывая голода уже два дня. – Если ширина покрытой почвой полосы составляет около четверти километра...

– Примерно так оцениваем и мы, – заметил Такахаси.

– И, предположим, длина коридора составляет миллиард километров...

– Почему именно столько?

– Просто предположение. – Это составляет около сорока миллиардов квадратных километров почвы.

– Если разбить всю Землю на кусочки и засыпать ими коридор – корой, магмой и ядром, – можно было бы покрыть около тридцати миллиардов квадратных километров. – Такахаси ткнул пальцем в песчаный островок.

– Что, если дальше горы? Тогда потребовалось бы еще больше земли и камня.

– Возможно, – согласился он. – Но самый главный вопрос – где они все это взяли? И не забудьте про воздух. Толщина атмосферного слоя составляет около двадцати километров, так что это получается... одна и шесть десятых триллиона кубических километров воздуха, чуть больше грамма на литр...

– Вы уже занимались этим раньше?

– Конечно, и много. Римская начал, а группа статистики продолжила. Я помогал советами. Столько вопросов технического плана... Каким образом обновляется воздух в коридоре? Системы регенерации Камня вряд ли могут с этим справиться, тем более если дальше имеется достаточно обширная популяция животных. Так что, может быть, здесь вполне достаточно воздуха, чтобы его хватило на несколько тысяч лет.

– Это кажется мне странным, – сказала Патриция. – Кто бы – или что – ни создал все это, оно рассчитано на вечное существование. У вас нет такого ощущения?

– Иногда. Но это предположение ничем не подкреплено.

– Так или иначе, но должна быть какая-то система жизнеобеспечения коридора.

Такахаси кивнул.

Римская выдал теорию, что в коридоре должны быть отверстия, еще до того, как мы обнаружили колодцы.

Кэрролсон подошла к ним.

– Заметили, как пахнет в коридоре? – спросила она.

Патриция и Такахаси покачали головами.

– Как перед грозой. Все время. Но озоновый слой здесь не слишком велик. Еще одна загадка.

Патриция принохалась. Воздух был свежим, но не как перед собирающейся грозой.

– Я выросла в стране гроз, – словно оправдываясь, сказала Кэрролсон. – Это именно тот запах, все правильно.

Снова очутившись в машине, Патриция занялась с микрокомпьютером, рассчитывая объемы и массы и сводя их в небольшую таблицу.

Через час Такахаси показал на первый круг – четыре колодца, расположенных по окружности на равных расстояниях друг от друга. Каждый колодец находился в углублении диаметром около пятисот метров, в центре которого располагалось перевернутое пятнадцатиметровое

блюдце цвета бронзы, подвешенное в восьми метрах над колодцем. Блюдец висело в воздухе без видимой опоры.

Машина замедлила ход возле углубления. По требованию Такахаси, прежде чем остановиться, Лейк провез их вокруг колодца. Затем все выбрались из машины и подошли к краю.

– Мы ездили сюда раз двадцать, – заметил Такахаси. – Почти проторили дорогу.

Патриция держала перед собой мультиметр. Значение пи оставалось неизменным. Она встала на колени и опустила прибор в углубление. Значение – прежнее.

– Теперь спуститесь вниз, – предложил Такахаси.

Морские пехотинцы, Фарли, Кэрролсон и Такахаси сгрудились у самого края. Патриция поморщилась.

– Еще одно посвящение? Тогда вы первый.

– Это испортит всю забаву, – объяснила Ленора. – Идите.

Патриция сделала шаг и поставила ногу на песчаный склон.

– Дальше, – поторопил Лейк.

Она вздохнула и начала спускаться. В десяти метрах от края, испытывая странное чувство, она обернулась. Ее тело располагалось совсем под другим углом к земле, чем остальные. Испытывая головокружение, Патриция попыталась выпрямиться и чуть не упала. Естественное перпендикулярное направление располагалось по-другому, однако мультиметр не фиксировал локальное искажение пространства.

Под плавающим блюдцем располагался чуть выступающий цилиндр того же цвета. Такахаси прошел по нему, демонстрируя, что это безопасно. Патриция последовала за ним, снова держа перед собой мультиметр. Никаких изменений.

– Есть какие-нибудь идеи насчет того, как держится эта тарелочка? – спросила она.

Фарли и Кэрролсон пожалы плечами. Морские пехотинцы устало расселись на песке вокруг колодца.

– Это, возможно, не очень удачный вопрос, – сказал Такахаси. – Взгляните на материал, из которого сделаны блюдце и цилиндр, вблизи. Насколько мы можем утверждать, это то же вещество, что и на стенах коридора.

Патриция присела и провела рукой по поверхности цилиндра. Цвет его не был ровным. Там, казалось, виднелись какие-то красные и зеленые полосы, даже черные пятна, сливавшиеся, разделявшиеся и извивавшиеся под верхним слоем, словно черви.

– Значит, это тоже какая-то геометрия? – спросила Патриция.

– Это не материя, – сказала Кэрролсон. – Мы определили это сразу же, как обнаружили колодцы.

– Нам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли об использовании пространства в качестве строительного материала, – заметил Такахаси. Фарли утвердительно кивнула.

– Вовсе нет, – холодно бросила Патриция. – Я писала об этом четыре года назад. Если вложенные вселенные каким-то образом не переходят в одно определенное состояние, в результате непрерывных противоположных пространственных преобразований формируется барьер.

Такахаси улыбнулся, но Кэрролсон и Фарли просто вытаращили глаза.

– Итак, – сказал Такахаси, – блюдце ни на чем не держится. Оно не существует реально. Это просто имеющая форму смесь вероятностей. Вполне разумно.

– О, – только и сказала Фарли.

Лейк уселся на середине цилиндра, положив «эпл» на колени.

– Я всего лишь парень из небольшого городка в Мичигане, – сказал он, – но могу с уверенностью сказать, что оно твердое. Оно даже не скользкое.

– Верно замечено. – Патриция наклонилась и потрогала цилиндр. – Видимо, здесь нет полного разделения вероятностных состояний. Допускается некоторое взаимодействие между

материей и поверхностью. – Она положила мультиметр прямо на цилиндр. Значение пи начало быстро меняться, затем стабилизировалось: «3,141487233 постоянно». – Уменьшилось, – сказала она и проверила другие константы. – Гравитационная постоянная – норма, скорость электромагнитного излучения – норма, стабильно.

– Постоянная Планка? – спросила Кэрролсон.

– То же самое. Для чего эти колодцы?

– Кольцо закрыто, так что определить, для чего оно, мы не можем.

– Через колодцы может проходить путь куда-то за пределы коридора, – сказал Такахаси. – Мы решили не выяснять, куда они ведут. Но колодцы не закупорены, и силовое поле неизвестной природы удерживает песок от попадания в центральное отверстие. Единственное, что мы можем видеть – красный свет, идущий из каждого отверстия. Мы отправили в один колодец маленький радиоуправляемый вертолет. Он не вернулся. Мы потеряли его из виду, уже в десяти метрах отсюда и решили никого за ним не посылать.

– Разумно, – заметила Ленора.

Лейк, все еще сидя, сообщил:

– Мои люди готовы отправиться так далеко, как вы пожелаете, и в любое время, когда потребуется.

– Мы ценим ваши слова, лейтенант, – сказала Кэрролсон, – но у нас хватает причин не торопиться.

– Дайте мне универсальный скафандр и оружие, пару человек в помощь...

Он усмехнулся.

– Вы действительно готовы спуститься? – недоверчиво спросила Патриция, повернувшись к офицеру.

Лейк скорчил гримасу.

– Если бы было точно известно, что там есть нечто, что стоит увидеть и исследовать, я бы пошел. Мы бы все пошли. – Морские пехотинцы дружно закивали. – Служба здесь не столь уж интересна, если не считать довольно живописной обстановки.

– Мы перекопали все вокруг. – сказал Такахаси, поднимаясь по склону, показывал расположение ям. Он поднял горсть земли и просеял ее между пальцами. – Почва во всех колодцах сухая. Никаких микроорганизмов, крупных форм, растений.

– Никаких живых существ... кроме нас, – пробормотала Фарли.

– И никакой радиации, – продолжал Такахаси. – Никаких следов необычных химических веществ. Так что, быть может, эти закрытые колодцы – просто землемерные вешки.

– Божьи отметины, – нараспев произнесла Ленора Кэрролсон.

– Колодцы все одинаковы? – спросила Патриция.

– Насколько нам известно, да, – сказал Такахаси, – но пока исследованы только два кольца.

Рейнольдс встал и стряхнул песок с комбинезона.

– Эй, лейтенант! Может быть, именно отсюда выходят буджумы?

Лейк поворачивал глазами.

– Вы когда-нибудь видели буджума? – спросила Патриция, пристально глядя на морского пехотинца.

– Не думаю, что их вообще кто-нибудь видел, – сказала Кэрролсон.

– Мистер Рейнольдс?

Рейнольдс перевел взгляд с Лейка на Патрицию.

– Вы серьезно меня спрашиваете?

– Да, спрашиваю. – Патриция хлопнула по своему значку, не будучи уверенной, что он имеет какое-то значение для морских пехотинцев.

– Я не видел ни одного. – Но другие видели – те, кому я доверяю.

– Мы все о них слышали, – сказал другой морской пехотинец, Хакл. – Некоторые парни рассказывали кучу историй.

– Должен заметить, – вступил Лейк, – что эти люди не склонны видеть того, чего нет. Сообщений немного, но они достаточно интересны.

Патриция кивнула.

– Вы собирались спуститься в колодец?

– Пока нет, – ответил Такахаси. – Перед нами стоят другие проблемы.

Патриция посмотрела на цилиндр, проведя ботинком по его поверхности.

– Я хотела бы ознакомиться с полным отчетом экспедиции, когда мы вернемся, – сказала она.

Еще когда они разговаривали, у нее в голове появилось возможное решение, выдержавшее первый уровень критики. Она посмотрела на перевернутое блюдо, на меняющиеся цвета.

– Тогда возвращаемся? – поинтересовался Такахаси.

– Думаю, да.

Франт использовал усовершенствованный пиктор, отражавший предметы и пейзаж вокруг них и маскирующий то, чем они занимались, внутри и около палатки. Двое охранников, в черном, могли услышать Ольми, если бы он слишком расшумелся, но не увидели бы его. Всего полметра отделяли его от охранника на пути к ящику, служившему столом Патриции Луизе Васкес.

Его очень интересовала эта молодая женщина; судя по тому, что он слышал, она становилась лидером. И если это та самая женщина, о которой говорил Инженер...

На ящике было в беспорядке разбросано лист пятьдесят, испещренных записями. Многие заметки были перечеркнуты или густо замазаны; иногда целые страницы, за исключением нескольких квадратных сантиметров уравнений или диаграмм, были заполнены жирными карандашными пометками. Ольми спокойно пролистал бумаги, пытаясь разгадать придуманную Патрицией систему обозначений.

В углу лежал электронный блокнот, его серебристо-серый экран был пуст. С правой стороны, прямо над небольшой клавиатурой, был вставлен блок памяти. Ольми огляделся по сторонам, следя за охранниками, и, включив блокнот, склонился над ним. Научиться пользоваться этой древностью было несложно; он быстро просмотрел содержимое блока и скопировал файлы для последующего анализа; это заняло около четырех минут.

Насколько он смог разобраться, Патриция была чрезвычайно развита для человека своего времени.

Ольми укладывал бумаги в прежнем порядке, когда охранник зашел за угол палатки и устался в его сторону. Ольми медленно встал, уверенный, что его камуфляж продолжает действовать.

– Ты что-нибудь слышал, Норман? – спросил сержант Джек Тиг у своего коллеги.

– Нет.

– Ветер подул, что ли? Могу поклясться, я видел, как шевелились листки.

– Очередной буджум, Джек.

Тиг подошел к ящику и посмотрел на бумаги.

– Господи, – пробормотал он. – Хотел бы я знать, что все это значит.

Он наклонился и провел пальцами по одной из строк. Курсив перемежался жирными черными печатными буквами. Двойные вытянутые прямоугольники, напоминающие символы матриц, которые он изучал в летном училище, знаки интегралов, экспоненты, содержавшие готические немецкие и греческие буквы, спирали, треугольники, овалы с двумя точками посередине, буквы с одиночными и двойными точками вверху похожими на умляуты...

– Ну и мешанина. – Сержант Тиг выпрямился. Волосы у него на загревке поднялись дыбом. Слегка вздрогнув, он принялся.

Конечно, там ничего не было. И не могло быть!

Глава 12

Почти все двое суток полета на ОТМ Лэньер проспал; голова его была полна невесомых снов, в которых беспорядочно перемешивались Камень и Земля, прошлое и будущее.

Он посмотрел на часы, а потом на лицо охранника, сидящего рядом с ним в лимузине. Через восемнадцать часов после посадки в Ванденберге он должен явиться в кабинет Хоффман в Лаборатории реактивного движения. За дымчатым стеклом машины проносилась пустыня. Давление воздуха было высоким, а сила тяжести – угнетающей. Даже сквозь темные стекла солнце выглядело жарким и желтым.

Он оставил мысли о Камне.

– У меня есть немного времени?

– Да, сэр.

Агент смотрел прямо перед собой, лицо его было официально-вежливым.

– Вы, ребята, неразговорчивы.

– Да, сэр. Мы такие, – поддержал водитель. Охранник, сидящий впереди, обернулся к Лэньеру.

– Миссис Хоффман сказала, что мы в вашем распоряжении, но мы должны доставить вас в Пасадену живым и трезвым к восьми часам завтрашнего утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.